

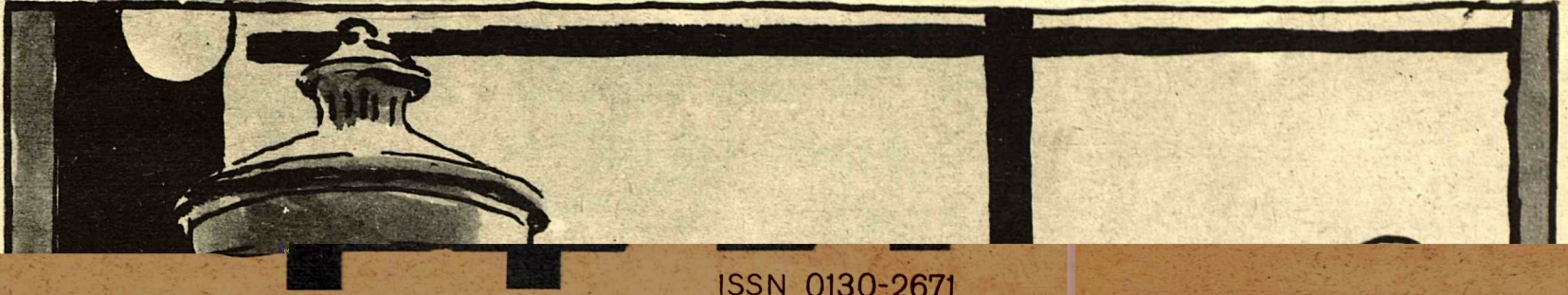


КРОКДИИ

№15

1980

ISSN 0130-2671



ISSN 0130-2671



ЖИВУЛЬКА

«Дорогой Крокодил!

Посылаю тебе эту фотографию, чтобы ты погоревал вместе с нами. Дело в том, что в нашей столовой нет стаканов и третьи нам подают в тарелках. А на наши просьбы отвечают: «Вы что, не понимаете по-русски, что нет стаканов?» Мы многократно обращались к администрации столовой, но — никаких результатов...»

4000 работниц Магнитогорской обувной фабрики.



Кем бы вы ни были, дорогой читатель, вы когда-нибудь да захаживали в ателье, и именно там, в закутке, огороженном несмыкающимися занавесями на огромных грохочущих металлических кольцах, предстал перед вами румяный от смущения клиент, примеряющий долгожданный пиджак. И вы, конечно, невольно замечали, что все сидит на клиенте, как и полагается, за тем лишь исключением, что части швейного изделия прихвачены слабой ниткой, вроде бы готовой вот-вот порваться, но тем не менее надежно несущей свою службу.

И действительно, если задуматься, то это только на первый взгляд замечательный пиджак готов рассыпаться от неосторожного движения. А на самом деле зыбкая нитка — довольно крепкая нитка, и вы даже замечаете, что клиент, освоившись под посторонними взглядами, вполне уверенно размахивает руками.

Так вот, дорогой читатель, нитка эта, как вы уже поняли, не простая. Она, представьте себе, даже упоминается в знаменитом словаре Даля, и портные многих поколений просто не мыслят без нее своего рабочего дня. И совсем неспроста у нее такое веское и значительное название: «живулька». Как вы понимаете, от самого главного слова — «жить».

Если бы растерянный клиент знал про это, он бы сразу выпрямился, развел плечи и успокоился: живулька не подведет. Более того, скажу я вам, клиент мог бы, если захотел, пойти в таком пиджаке на работу, и все было бы в порядке. А что — поудивляется народ и забудет. Конечно, в рукава со стороны плеч будет проникать ветер, и в автобусе в час пик возникнут кое-какие неудобства, но тем не менее шеголять в пиджаке «на живульке» вполне можно.

Вспоминается мне в связи с этим одна история, очевидцем которой я был когда-то. Дело происходило в большой деревне, через которую протекал ручей, и мост через этот ручей вдруг сломался. Надо было срочно строить новый, но председатель колхоза, который был во власти уборочной страды, распорядился иначе: велел перекинуть через ручей два бревна. Прихватить, так сказать, проблему «на живульку». Так, временно, пока нет моста и в разгаре уборочная пора. А мост, конечно, будет, ведь на то он и мост, чтобы ему быть. Только потом. А пока так, по бревнам. Конечно, без комфорта, но ведь можно? Можно.

Так и пошло. Ходят люди по бревнам, балансируя, как начинающие канатоходцы, мучаются, но знают: временно это, будет мост. Потом будет. Но потом засвистела метель, народ облегченно вздохнул, став пересекать ручей по надежному льду, и о мосте уже, естественно, никто не говорил. Весной же новые заботы: посевная. Как говорится, не до того, а к лету — засуха — пересох ручей, и снова нет проблем. Так вот, незаметно, под аккомпанемент времен года и сельских будней бревна, положенные «на живульку»,

укоренились, подернулись диким мохом, срослись с глиняными берегами и прочно вошли в деревенский архитектурный ансамбль.

Ах, живулька, живулька! До чего же многолика и живуча скучная суровая нитка, пришедшая к нам из портновского далека. Смотрю я на эту фотографию, где молодые, очень симпатичные женщины пьют компот и какао из огромных тяжелых тарелок, и опять же вижу живульку.

Так уж и нет стаканов? Неужели? Не верю! Стаканы лежат там, где надо. Но пока они лежат там, где лежат, компот можно пить из тарелок. Это уж точно! Не навсегда из тарелок, а временно, временно! Пока нет стаканов, которые будут, будут!

И пошли в ход прихваченные «на живульку» увесистые металлические тарелки-миски. Ставит такую миску перед собой милая голубоглазая девушка и тихонько оглядывается по сторонам: наслаждаться кофе, приблизив тарелку двумя руками, неловко, а прибегнуть к столовой ложке — просто даже смешно, не харчо же! Одно утешение: не ты одна в таком дурацком положении.

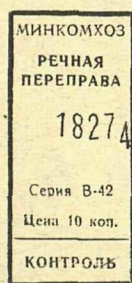
...Кто-то разбил стекло в подъезде, и косые струи дождя пулеметными очередями расстреливают жильцов, спешащих на работу. Огорченные жильцы надеются, однако, что, возвратясь домой после трудового дня, найдут окно застекленным.

И действительно находят. Зафанеренным. Уныло стало в подъезде, темновато. Но на все вопросы у долевой администрации один утешающий ответ: временно. Администрация даже обижается: в помещении-то сухо стало, сквозняков нет. Потом застеклим. Обязательно. Потом.

Но потом жильцы просто привыкают к фанерному окну, так как человеку свойственно привыкать к окружающей обстановке, и все становится на свои места.

Как просто и легко пользоваться живулькой! Правда, если пришивать рукав к пиджаку, надо пуд соли съесть, чтоб не морщило, чтоб как влитой рукав был. Но это без живульки. А с ней раз, два, три — и все: висит рукав на пунктирной строчке, и видимость пиджака налицо.

Скажем, продавали билеты в баню города Сердобска, что в Пензенской области, как обычные билеты установленного образца, а когда их запасы стали иссякать, начали продавать такую пару:



И разгоряченный помывкой посетитель, вытщив вместе с мелочью на пиво остатки билетов, прочтет случайно эти странные до безумия слова и подумает, что наверняка пересидел в парной и голова кругом.

Но мы-то с вами, дорогой читатель, знаем, что это такое. Чу, вы слышите? Та же самая ссылка на «временно», на «пока», вот, дескать, перебежало немного — и будут настоящие билеты. Да ведь это же живулька, только с баннным уклоном!

Вспоминается мне и письмо с одной комсомольской стройки. Про живульку, обернувшуюся старыми вагонами, в которые временно поселили ребят, обещая скорый переезд в новый дом. «Скорый переезд» затянулся на год, а дом тем временем заселили. А на жалобы — одна отговорка: так ведь временно, потерпите! Вода есть, крыша есть, даже музыка есть, а уж о молодости-то, когда все впереди, и говорить не приходится: ее даже больше, чем надо!

Хорошая это лазейка — живулька! Никаких тебе усилий, а видимость заботы налицо. И заботы и работы. А главное, железная формула, которой нельзя не верить: временно! Действительно, это так — временно. Но, спрашивается, зачем терпеть неудобства, даже временные, зачем временно портить себе жизнь из-за чужой нерадивости, черствости, лени и равнодушия?

А вообще-то я ничего против живульки не имею. Если употребляется она по своему прямому назначению, в портновском деле.

Алексей ХОДАНОВ

Все началось с дождей. В 1977 году дожди погубили на Украине урожай лука. В связи с чем республиканскому объединению «Укрсортсемоовощ» выделили четыре миллиона рублей наличными для закупки семян лука у населения Средней Азии. Начальник «Укрсортсемоовоща» Иван Терентьевич Одобецкий без затей поделил деньги между областными объединениями и огорошил подчиненных на местах телеграфно:

«Срочно выехать Узбекистан заготовку семян лука».

ГЛАВА 2. О ГВОЗДИКАХ, КОТОРЫЕ НЕ ПАХНУТ

— То есть как это выехать? — позвонил Одобецкому начальник Сумского объединения Д. И. Погорелов. — Мы же в абсолютном неведении: в каком именно районе Узбекистана делать закупки, где хранить семена, как их отправлять? Да и с деньжищей такой рискованно дело иметь. Шутка ли — нам выделено семьдесят восемь тысяч! Как с ними обращаться? Нет, я не могу пойти на эту авантюру!

Но уже на другой день в аэропорт мчалась машина, в которой сидели главный агроном В. И. Богатырь и сотрудники Сумского объединения И. А. Охрименко и А. В. Тимченко.

— Итак, повторяю, — таинственно говорил Богатырь, ощупывая свой пояс, где были зашиты купюры, — деньги — это гвоздики. Прошу уже в самолете пользоваться этим условным обозначением.

ГЛАВА 3. О НАДЕЖНЫХ ЛЮДЯХ

В Ташкенте они узнали, что где-то здесь уже зондируют почву первый заместитель Одобецкого — Ю. Н. Науменко и старший экономист республиканского объединения Н. И. Ковбаса. Вскоре наткнулись на Ковбасу.

— Будут ли какие-нибудь указания? — с тайной надеждой поинтересовались у него сумчане. — В отношении места закупок. Лично мы думаем искать семена на рынке. Правда, по рынку опасно мотаться с большим букетом гвоздик. Ну, с деньгами, то есть.

— Гвоздики можно пристроить. И по рынкам не шастать. Вы думаете, мы тут баклуши бьем? У нас на примете уже есть надежные люди. Фамилии их Лимуров и Акимычев. Люди проверенные. На них с надеждой взирает вся наша верхушка. Вот их адреса.

По совету Ковбасы сумчане вступили в контакт с надежными людьми и передали им под расписку почти все наличные гвоздики.

ГЛАВА 4. О СПРАВКЕ ДЛЯ БОЛЬШОГО ДРУГА

На смену Науменко и Ковбасе из Киева прибыли еще один заместитель Одобецкого, В. В. Закусило, и старший агроном В. П. Роенко.

Закусило вручил надежному человеку Акимычеву справку, удостоверяющую, что отныне Акимычев — свой человек для «Укрсортсемоовоща».

В номере гостиницы «Россия», где остановились Закусило и Роенко, собрались подвижники семенного дела из многих областей Украины.

— Я хочу представить вам нашего большого друга — Бориса Петровича Акимычева, — объявил Закусило. — Многие его уже хорошо знают. А кто не знает, надеюсь, очень скоро вступит с ним в деловые контакты. Теперь, с нашей справкой, он стал для нас еще ближе.

Столь лестная рекомендация, мандат, ну и, конечно, авторитет товарища Закусило вселили клиентуре Акимычева еще большую уверенность. Начальник Полтавского объединения Н. К. Борух и агроном В. Ф. Галкин, не моргнув, передали ему девять тысяч рублей. Извлекая из тайников в нателном белье пачки денег, бросились к всеильному Акимычеву и заготовители других областей Украины.

А их шефы, переложив свои заботы на Акимычева, вели в Ташкенте размеренную, неторопливую жизнь. Позже Роенко признает, что большую часть своей длительной командировки потратил впустую, о чем не раз докладывал по телефону Одобецкому. Безуспешной оказалась и миссия Закусило, который ведал отправкой семян на Украину. Часть заготовителей уехала домой ни с чем, так как Закусило не смог договориться с Управлением железной дороги о выделении вагонов и контейнеров. Другим

ДВОУШКА И НАСЕННОМ ПУНКТЕ АХ-БАБА

по этой причине пришлось возвращать уже закупленные семена.

ГЛАВА 5. О КОНТЕЙНЕРНОМ БОГЕ

Одна надежда — Акимычев.

— Могу за отдельную плату устроить пару контейнеров, — шепнул он главному агроному из Сум Богатырю, закупив для него семена.

Выхода у Богатыря не было. Повел его Акимычев на контейнерный двор.

— Дум прямиком к Толику. Толик — контейнерный бог. Ты с ним поуважительнее. Придется еще похрустеть дензнаками.

Толику Богатырь выложил семь червонцев. Контейнерный бог взял червонцы и с упоением швырнул их в лицо главному агроному. И назвал свою сумму — четыре сотни. Богатырь махнул рукой и согласился. Другого выхода не предвиделось, а семена позарез нужны были для спецхозов Сумской области, в которых пустовали двести пятьдесят гектаров. Их держали специально под лук.

Вернулся Богатырь в Сумы с чувством исполненного долга. Но когда контейнеры пришли в Сумы, семян в них недосчитались. Более тридцати тысяч рублей Акимычев оставил себе на карманные расходы.

Надул он и полтавчан, не заготовив для них ни одного семечка, ни одной луковицы. И вынудил их начальника Боруха пойти на обман банка.

ГЛАВА 6. О «НАДЕЖНОМ ЧЕЛОВЕКЕ» И НАСЕННОМ ПУНКТЕ АХ-БАБА

Следователю личность Акимычева показалась удивительно знакомой. Он сходил в архив и выяснил, что Акимычев, этот надежный человек, этот большой друг руководителей «Укрсортсемо́воща», уже судился за взятку. А также за махинации с автомобилями. И шесть лет провел в местах заключения. Правда, в этих местах он характеризовался только с положительной стороны, принимал участие в художественной самодеятельности.

Взял следователь наугад одну из квитанций, заполненных Акимычевым при закупке семян. В ней значилось, что семена Акимычеву продал гражданин Бихмарзаев Аман, проживающий в селе Ах-баба Каттакурганского района Самаркандской области. И установил следователь, что села такого на территории данного района не значится и ни один гражданин с фамилией Бихмарзаев, с именем Аман в районе не проживает.

— Эту партию семян мне продал колхоз имени Ахунбабаева, — вспомнил Акимычев.

И опять мимо: названный колхоз оказался чисто хлопководческим, лук не культивирующим.

— Куда вы дели сто двадцать три тысячи рублей, взятые у заготовителей Сум и Полтавы? — спросил следователь.

— Раздал их населению под будущий лук.

— Кому конкретно? Назовите имена, адреса.

— Имен не знаю. Адресов тоже. С людьми

встречался на рынках. Вырастет лук, и они сами придут ко мне.

Таков надежный человек. Сумской областной суд, где слушалось дело, учел любовь Акимычева к художественной самодеятельности и приговорил его к тринадцати годам лишения свободы.

Осуждены также Богатырь, Борух, Охрименко и Галкин. Последние двое — за «ненадлежащее исполнение своих служебных обязанностей вследствие небрежного к ним отношения, повлекшее существенный вред».

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ЭПИЛОГ

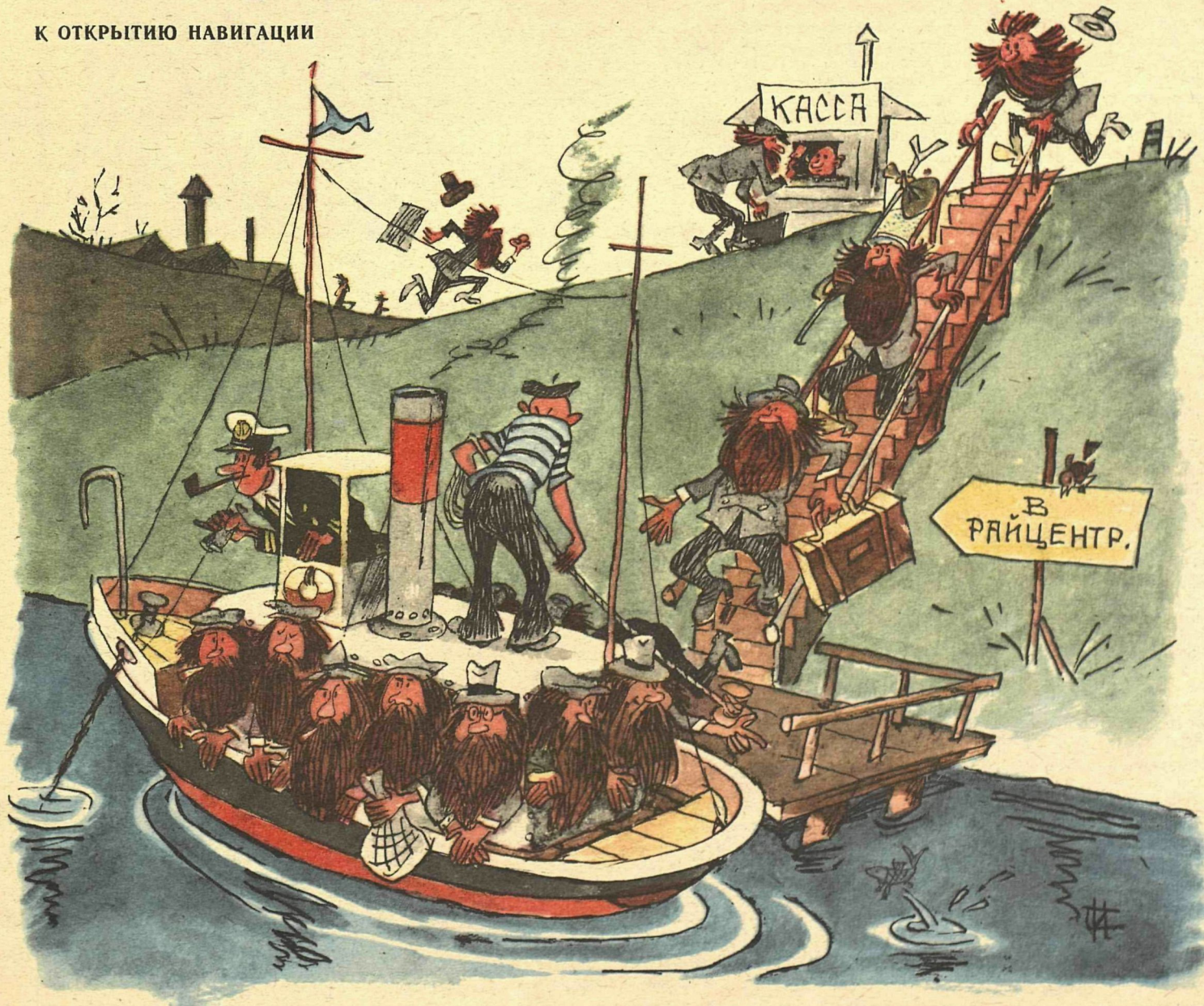
В связи с последней формулировкой читатель, очевидно, спросит:

— А разве руководители «Укрсортсемо́воща» во всей этой луковой эпопее надлежаще исполняли свои служебные обязанности? Не они ли, вместо того, чтобы помочь своим подчиненным организовать закупку семян непосредственно у населения, толкнули их в руки жулика? Не они ли впустую тратили время в Ташкенте, в то время как работники областных объединений мыкались в поисках контейнеров и вагонов? Не по их ли вине представители чуть ли не всех областей Украины, не получив четких указаний и рекомендаций от руководства, действовали на свой страх и риск и во многих случаях терпели фиаско?

Так почему же суд обошел их своим вниманием и даже не вынес в их адрес частного обвинения?

Сумы — Киев.

К ОТКРЫТИЮ НАВИГАЦИИ



В Большом зале Центрального Дома литераторов состоялся вечер украинских юмористов и сатириков. Поводом для него послужило восьмидесятилетие старейшины юмористического цеха Александра Ивановича Ковиньки. Председательствовал Леонид Ленч. Как водится, юбиляру преподнесли подарки: пороховницу, трубку и перо — словом, все, что и положено иметь «казаку - гумористу». В лучших традициях чествования были зачитаны юбилейные стихи и воспоминания о давно минувших днях.

Украинский народ всегда любил шутку и смех, и на вечере с удовольствием было отмечено, что по инициативе Александра Ивановича три года подряд в знаменитых Сорочинцах организуются праздники юмора и сатиры. Об их масштабах говорит такая цифра: в прошлом году в Сорочинцах собралось двести тысяч человек...

ПЕРВЫЙ РЕЙС — В ПАРИКМАХЕРСКУЮ

Рисунок И. СЫЧЕВА

КРОЛИК И УДАВА

Объявили у нас в институте конкурс на лучший творческий план. Итоги должны были подводить по олимпийской системе — с выбыванием. В финал попали два научных сотрудника — Ченцов и Козлов. Один за отчетный период вырастил пушистого и жирного кролика, а другой — огромного пятнистого удава.

Приходит пора определять призовые места. Ченцов и Козлов приносят в кабинет к Ивану Петровичу своих подопечных. Иван Петрович поджал под себя ноги и говорит:

— Мероприятие, которое мы сейчас проводим, имеет большое мобилизующее значение. Поэтому очень важно не ошибиться, подводя итоги. Пусть каждый из претендентов защищает своего питомца, а я, выслушав, приму справедливое решение.

— Мой кролик обладает существенным преимуществом перед удавом, — начал Ченцов. — В отличие от последнего он дает чудеснейший мех.

— Но удав зато дает отличную кожу! — воскликнул Козлов. — А она ценится весьма и весьма дорого.

— Кроме меха, — продолжал Ченцов, — мой кролик дает еще прекрасное мясо. Надеюсь, никто этого отрицать не станет.

— Обращает на себя внимание высокая продуктивность удаводства, — заявляет Козлов. — Самка приносит за один помёт до пятидесяти удават, в то время как крольчиха каких-то шесть.

Иван Петрович с удовольствием выслушал сообщения и говорит:

— Меня радует, что защита проходит так активно. Это говорит о высоком качестве выполненной работы. С легкостью отдал бы обоим сотрудникам первую премию, но по условиям она только одна. Так что придется продолжить защиту.

— Кстати, а какие премии? — робко поинтересовались претенденты.

— Вторая — путевка, — объяснил Иван Петрович. — Круиз по Черному морю. А первая премия — вообще уникальная. Личное мое рукопожатие.

— Надо быть откровенным, — говорит Ченцов, — мех моего кролика обладает и рядом недостатков. Линяет, вытирается и накапливает статическое электричество.

— Но все-таки греет, — возразил Козлов. — А кожа змеи — так та холодит. В туфлях из кожи удава можно отморозить ноги даже при комнатной температуре. И мяса мой удав не дает.

— Позвольте, как не дает! — возмутился Ченцов. — В тропических странах удав — деликатес. Калорийность его мяса куда выше крольчатины. Кроме того, вы сами сказали, что приплод за один помёт у самки удава выше!

— Так за один! — воскликнул Козлов. — Удав вообще откладывает яйца один раз в год. А крольчиха дает приплод несколько раз в году!

Иван Петрович жестом остановил претендентов.

— Приятно, что оба сотрудника не узкие специалисты в своей области, а хорошо знают работу друг друга. Я думаю, именно широкая осведомленность в смежных проблемах позволила им дойти до финала. Так и не могу решиться, кому отдать предпочтение. Давайте внимательно рассмотрим и сравним результаты их труда.

И тут Иван Петрович вдруг вытянул шею, глаза его округлились.

— А кролик где? — удивленно спросил он.

Кролика в кабинете не было. Зато удав в одном месте заметно раздался в ширину.

— Как же мы теперь будем их сравнивать? — воскликнул Иван Петрович. — Мероприятие записано у нас в плане!

Претенденты наперебой стали успокаивать своего начальника.

— Не огорчайтесь, Иван Петрович. Результаты ведь были несопоставимыми, нас могли упрекнуть в формализме.

— Что верно, то верно, — сказал Иван Петрович, подумав. — Тогда сделаем так. Как только удав переварит кролика, взвесить его и определить привес. А Ченцов пусть в порядке повышенного обязательства взрастит кролика, способного проглотить удава. И тогда можно будет легко сопоставить привесы. Вот он — истинно творческий подход!

И Иван Петрович с удовольствием пожал руку самому себе.

Рисунок М. БИТНОГО



- Разрешите преподнести вам символический ключ от объекта!
- А где же сам объект?
- Он тоже символический...

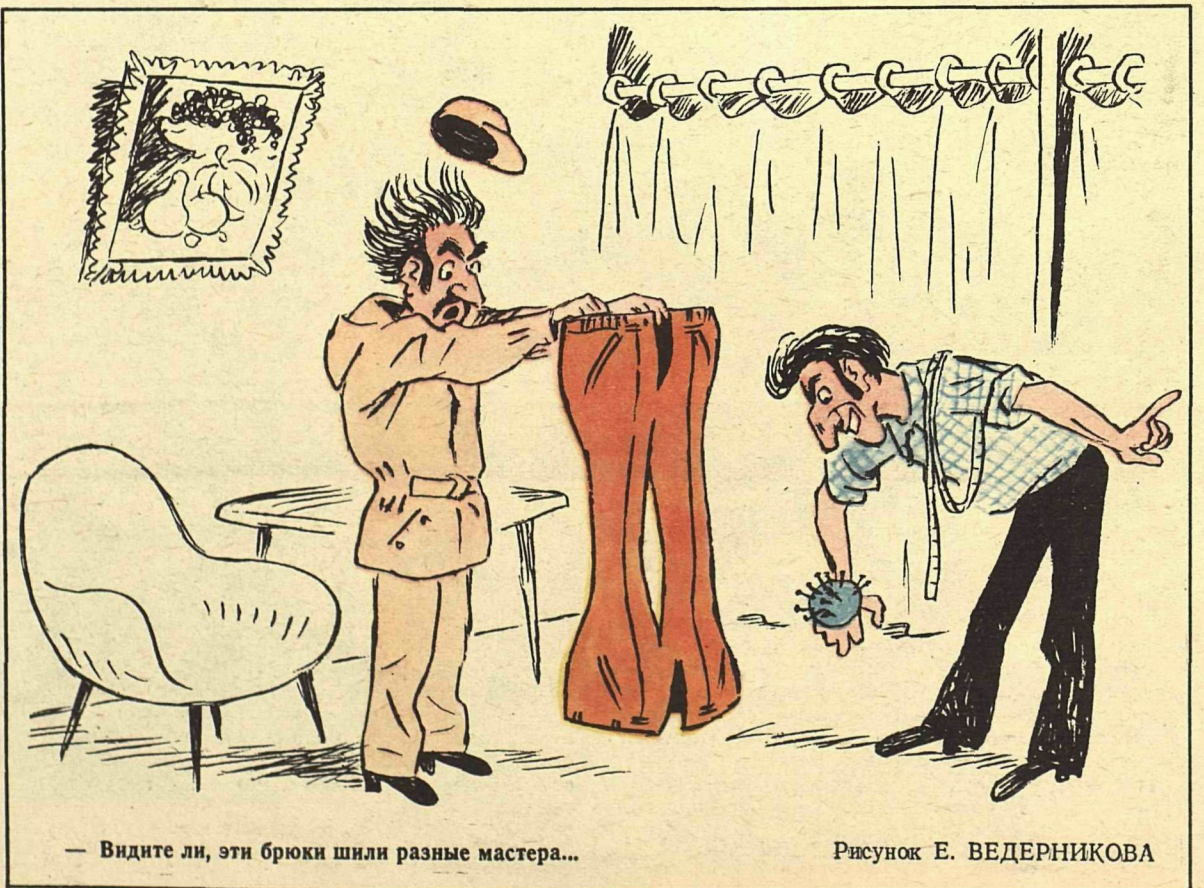
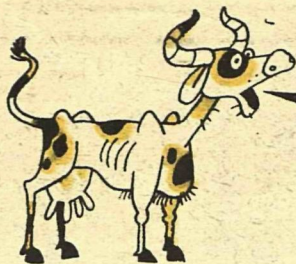


Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА



СПАСИТЕ НАШИ ТУШИ!



«Дорогой Крокодил! Пишут тебе доярки Белоозерного отделения совхоза «Колыванский» Алтайского края. Наш совхоз может обеспечить сеном весь Курьинский район. Кормов у нас много, но скот дохнет потому, что начальство наше все время ездит мимо, то на пасеку, то на озеро загорать... Приезжай к нам, пожалуйста, помоги!»

1. НЕ РАДИ ИСТИНЫ, А РАДИ ПРАВДЫ...

Поезд от Барнаула до станции Пospelиха традиционно запоздал на несколько часов. После ожесточенных схваток водителя с капризным мотором рейсовый автобус прибыл наконец в районный центр Курью одновременно с фиолетовыми зимними сумерками. Отсюда мне пришлось ехать в Колывань попутным транспортом.

Удалая песня «...и за борт ее бросает в надвигающую волну...» плыла в темноте вместе с бойким автобусом, украшенным надписью: «Совхоз Колыванский». Веселые попутчики — профессионалы местной кооперативной торговли — возвращались домой победителями районного соревнования, останавливаясь в каждом селении, где горела окнами торговая точка. После такой остановки победители входили в автобус с еще более просветленными лицами. Так, поэтапно, мы прибыли в Колывань...

— Не ради истины, а ради правды скажу тебе, — обратился ко мне веселый кооператор Сергея, когда телефонная облава на директора совхоза не дала результатов, — что не сыщешь ты до утра директора, на банкете они гуляют. А коли сможешь разгрузить вон ту машину с ящиками водки, ночлегом я тебя, так и быть, обеспечу.

На следующее утро, так и не увидев начальства, под мелодичный перезвон бутылок с напитками местного разлива я добирался на автофургоне в Белоозерное отделение.

— Сначала возьмете налево, — инструктировал меня шофер, когда машина с товаром первой необходимости остановилась у магазина. — Потом мимо заброшенного кормоцепа — прямо. Там уж не заблудитесь, идите на коровье мычание.



2. КОРОВЬЯ ОРАТОРИЯ

Заблудиться действительно было трудно. Осипшими голосами буренки взывали к совести и сочувствию неведомо где обретавшегося персонала. Когда я приблизился к одному гурту, рев по количеству децибелов чуть не перешагнул за порог болевых ощущений — появление живого человека вызвало надежду у рогатого племени на клок сена.

Поскрипывание снега за спиной заставило меня обернуться: нетвердым шагом ко мне приближался скотник. Похоже, он собирался познакомиться, но имени своего выговорить так и не смог, а две попытки пожать мою руку кончились весьма неудачно: оба раза он промахивался и падал лицом в снег. Махнув рукой на бесполокостность городского человека, он отправился в соседний загон бороться за увеличение привесов.

А я невольно прислушался: совсем иная музыка — глухие неритмичные удары доносились со стороны кормовой базы.

3. АЛТАЙСКИЙ ДИОГЕН

Я начал прокладывать туда путь, но в изумлении остановился перед огромной деревянной бочкой с оконцем и трубой. В этой служебной бочке на манер философа Диогена предавался размышлениям фуражир Козлов В. Е.



— Плохо, видать, у вас с кормами, коли орут коровы? — обратился я к Василию Ефимовичу.

— Уж чьи бы коровы мычали, — возразил Козлов, — а нашим сена нынче в два раза более обычного запасали. Правда, управляющий отделением Душкин Д. С. больно озоровал с сеном — кому стог, а кому и два отдаст, да ведь без корысти почти, больше литра не брал. Зато сенаж сохранился у нас в целости — забыли его утеплить на зиму, теперь-то и динамитом не вскрыешь траншею. К лету, поди, оттает... А пока скоту даем силос, хоть и порченный он, но уж до отвала!

Последние слова фуражира потонули в грохоте, чем-то напоминавшем раскаты тамтама.

4. ПРИВЫКЛИ РУКИ К ТОПОРАМ...

На большом холме за скотным двором оживленно двигались фигурки людей с топорами и древнего вида секирами в руках.

— Небось, художественная самодеятельность, — поинтересовался я, — репетирует ритуальные пляски?

Но выяснилось вскоре, что ритмы здесь совсем не художественные, а скорее производственные. От темна до темна скотники осваивали вторую профессию — горняцкую. Не укрытая соломой гора силоса приобрела от сибирских морозов крепость гранита, и корм добывался теперь только ударным методом.



— Вот так за день тонны две нарубишь, — грустно сказал скотник Володя, — а потом навоз чистить. И все вручную. Ни одного выходного за всю зимушку не было, все желание работать пропадает.

Я заговорил о сиротливых коровах, которые

встретили меня дружным ревом, и поведал тогда мне Володя, что один из хозяев того гурта — скотник Егорычев — где-то ведет борьбу с местным алкоголем за полное уничтожение последнего, а второй — Анатолий Русиков — собирает дома чемоданы перед дальней дорогой.

— Бегут от нас люди, — пояснил Володя, — заработков нет, поскольку нет привесов. Да и откуда привесам взяться, если в прошлом месяце в совхозе пала сотня голов?

— Что же начальство ваше делает? — поинтересовался я. — Ведь есть же директор...

— Ой! — вздрогнул Володя. — Зря вы на ночь упоминаете директора нашего, Жадана.

— Что так?

— Больно лют Владимир Максимович, коли что не по-ихнему, особенно когда выпимши. Тут было комбайнер Плотников слово ему поперек сказал, так сразу на целую неделю трудоспособности лишился. Насилу отбили Плотникова подошедшие рабочие от осерчавшего директора. Не ездит он почти к нам, ну и слава богу...

5. ДЕНЬ ЖИВОТНОВОДСТВА

Открылась дверца подъехавшей машины, и вышел директор Жадан В. М. Испуганные рабочие хотели было броситься врассыпную, но следом за директором появился начальник милиции и представители райкома партии.

— Батюшки, — прошептал кто-то, — под конвоем нашего Жадана доставили-таки.

Однако оказалось, что явление директора народу было чуть ли не добровольным — в рамках единого животноводческого дня районные руководители и кураторы совершали набеги на свои хозяйства. В такие исторические моменты решались, вероятно, все проблемы местного животноводства.

После беглого осмотра колыванских достижений высокие гости, как и положено, присели, чтобы занести свои указания и впечатления в специально заведенный журнал.

Одинокая строчка в журнале «...укрыть соломой силос и сенаж», оставленная в октябре прошлого года предыдущими посетителями, повествовала, что пожелания высокой комиссии выполняются обстоятельно, не спеша.

Пока в отдельной комнате начальник милиции довольно громко беседовал с доставленным к нему скотником-беглецом Русиковым, а после — с источавшим густой запах трудового разложения Егорычевым, директор совхоза В. М. Жадан удивленно качал головой:

— Ай-я-яй, до чего довел Душкин отделение за два года!

Лицо Владимира Максимовича одновременно выражало скорбь и негодование по адресу управляющего Душкина, который, воспользовавшись отдаленным (чуть ли не шесть тысяч метров!) проживанием директора, довел хозяйство до ручки.

— Уж я ли не серчал на него, — возмущался Жадан, — недавно с глаз долой прогнал, на край света, аж в черноморский санаторий...

— Уж мы ли не наказывали Жадана, — вздыхали работники райкома, — предупреждали, и строгий выговор давали, да все не помогает.

* * *

— Слышал я историю про знаменитого Буриданова осла, — задумчиво рассказывал совхозный фуражир, глядя вслед отъехавшей комиссии.

Мы стояли с ним почти посредине между силосным терриконом и траншеями окаменевшего сенажа.

— Помер этот осел от голода между двумя кормушками овса, так и не решив, в которой из них больше корма... Вот и у нас вроде бы непонятно отчего худое житье скотине. Рабочие бегут с фермы из-за убытков, а убытки — от нехватки рабочих рук.

— А корма, — вздохнул фуражир и показал руками на две траншеи с сенажом, — корма вот они! Поди, и не скажешь сразу — в какой яме больше?

Курьинский район Алтайского края.

**вакантная
должность**

**МАЛОЙ
СКОРОСТЬЮ**

Как провозжат пароходы! Совсем не так, как поезда. Потому что, бывает, с проводами на железной дороге скверно до предела. Особенно когда речь заходит о возврате грузовых вагонов, в которых прибыл потребителю долгожданный груз.

Зажилить на собственной подъездной ветке целый железнодорожный состав и разгружать его малой скоростью — стало чуть ли не признаком хорошего тона среди вальжных администраторов.

— Вагон, — думает сонный хозяйственник, — есть-пить не просит. Пущай себе постоит у склада, авось его не убудет...

Но ломится вдруг в дверь директорского кабинета бухгалтер Октябрьской плодоовощной базы города Омска и почти со слезой роняет на стол начальства требование об уплате штрафов за простой.

— Всего-то семь тысяч семьсот рублей! — удивляется даже слегка шокированный В. Н. Солоницын. — Да директор табачной фабрики И. С. Панов на шестьдесят тысяч больше выложил, и делу — табак. А тут...

Несправедливо и крайне обидно было бы полагать, что только у этих двух омских директоров нервы по крепости не уступают парашютным стропам. Систематически превышаются нормы простоя вагонов на кирпичном заводе № 1, в тресте № 3 Главомскпромстроя, на ТЭЦ-2. Случается, осенью ежесуточно скапливается в Омске до 500 вагонов — до десят-

ка полнокровных железнодорожных составов. Таких необходимых и остродефицитных!

А штрафы, не облегчающие личный карман, только слегка щекочут безмятежную директорскую душу. Вялой рукой подписываются счета, и тоскливо пережевывается нехоти подвернувшаяся мысль о том, что вообще-то неплохо бы наладить круглосуточную разгрузку, получше обустроить подъездные пути да обзавестись погрузчиками, транспортерами и прочей малой механизацией.

Но слегка встревоженная необычным вольнодумством голова опускается и мерно покачивается в такт прибывающим на разгрузку очередным вагонам...

А. ПЕШКОВ,
г. Омск.

**КОГДА
КРАНЫ
БЕЗ ОХРАНЫ**

Лишь только сумерки спускаются над северодвинскими стройками, к затихшей технике нестройными рядами приближаются окрестные люди с недобрими взглядами. Под напором ломиком обреченно визжат замки и запоры.

— Что у тебя там, Василий! — громко несет по стройке.

— А вовсе пустяки, — отвечает некто Василий с башенного крана, — ящик со слесарным инструментом...

— Бери, — советуют снизу, — на даче согдится... Мы вот щас аккумулятор сьемем и чем-то посурьезней займемся...

— Глянь-кось, — радостно ахает голос в другой стороне, — малогабаритные фары на бульдозере аккурат к «Яве» подходят!

— А крупногабаритные — к «Жигулям!» — делятся опытом на соседнем стройучастке.

К утру — прежде чем трижды прокричит петух — сгибаясь под тяжелой ношей, грабители покидают стройку. Приходят на их место — в буквальном смысле этого слова, конечно, — работники Северодвинского стройтреста. Трест этот, можно сказать, многодетный. У него есть пять генподрядных СУ и управление механизации, которое сдает им в аренду технику. И каждый раз управление прощается с ней, словно прощая в последний путь. Рыдает управление, принимая назад краны-инвалиды, изуродованные экскаваторы и сиротские бульдозеры.

Многократно приходили просители из управления механизации к генподрядчикам, стучались в глухие двери арендаторов.

— Христа ради, спасите технику от надругательства! — отчаянно кидались в ноги руководителям стройуправлений бедные просители. — Мы же сдаем ее под вашу ответственность, а получаем назад горы металлолома... Сказано ведь в специальном положении, что генподрядчик обязан бороться за сохранность механизмов на объекте!

— В нашем тресте, — скучно отвечали им, — пять лет назад приказ издан о суровом бдении на стройучастках.

— Но ведь приказ-то бессиле сам по себе, — хватались за сердце механизаторы, — коли нет у вас по штату сторожей и всех вытекающих из приказа последствий в плановом и финансовом отношении.

— А вы нам денежки перечислите! — ехидно спрашивали генподрядчики. — Сторожа на зарплату!

И грустно отходили механизаторы в сторону, поскольку не было у них самих в смете такой статьи, чтобы отчислять генподрядчику на содержание сторожей. Зато есть статья, по которой большие деньги уходят на внеплановый ремонт искореженной техники.

...А тем временем металлический скрежет и алчные крики будоражат ночную тишину северодвинских строек.

О. ХИМАНЫЧ,
г. Северодвинск.

В. ВОРОБЬЕВ,
специальный
корреспондент
Крокодила

ИЗОФЕЛЬТОН

**Укротное
место**

Два жителя районного поселка Зимовники Ростовской области, проявив наблюдательность и смекалку, сделали верный ход, с помощью которого сумели блестяще решить труднейшую проблему, возникающую при игре в шахматы.



**Одклики
и
Реплики**

«Остановите музыку!»
(№ 5 за 1980 год)

В этом фельетоне В. Семенов в качестве аккордеонов, выпускаемых Полтавской фабрикой музыкальных инструментов.

Секретарь Октябрьского района КП Украины г. Полтавы тов. М. Кулик сообщил редакции, что фельетон был рассмотрен на бюро районного комитета. Бюро строго указало руководству фабрики на недостатки и потребовало от него принятия мер по улучшению качества выпускаемой продукции, усилению воспитательной работы с кадрами, внедрению комплексной системы управления качеством.

Получен также ответ от руководства фабрики.

Фельетон обсужден на общем собрании фабрики. Рабочие и ИТР приняли активное участие в его обсуждении. Высказан ряд ценных предложений. Собранием намечены мероприятия по улучшению качества выпускаемой продукции. Учреждается технологическая служба и служба ОТК. Вопрос качества рассмотрен на расширенном заседании партийного бюро фабрики. За вскрытые недостатки начальнику ОТК коммунисту В. Орлу объявлен выговор.

Уголок эрудита

Урок ботаники

Удивительно, что ты, Крокодил, называешь клубнеплод картофеля корнеплодом (№ 2, 1980 г.)...

В. ГРИЦЕНКО, г. Умань.
Называть картофель корнеплодом — это неправильно.

Д. БАБАНИН, Липецкая область.
Сотрудник, который готовил материал к печати, взял отгулы за прогулы уроков ботаники в школе и сейчас занят тем, что ликвидирует пробелы в своем образовании.

Неизвестное об известном
Пейте соки!

На рисунке Е. Шукаева (№ 5) Сальери тайком за спиной Моцарта открывает бутылку с этикеткой «Вино плодово-ягодное». Что хотел сказать художник? Странно и непонятно.

Л. Ватыгова,
Сунженский район
Чечено-Ингушской АССР.
Наверное, вы ни разу не пробовали плодово-ягодное вино. И очень хорошо! Пейте плодово-ягодные соки!



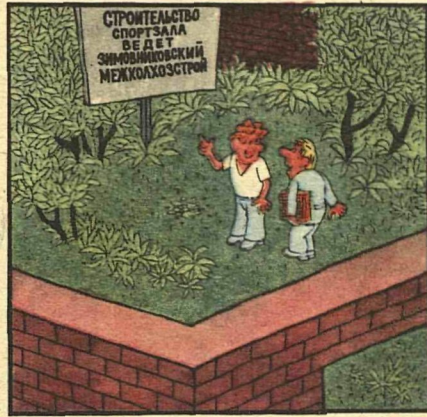
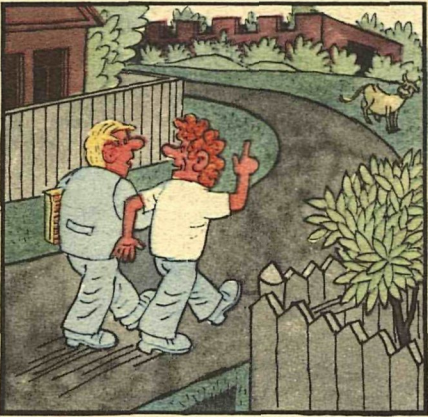
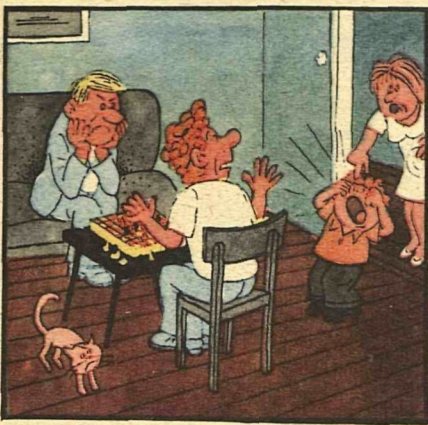
— Как быстро разгружают!
— Вот это и подозрительно...

Рисунок В. СТУПИНА

Решил я вырастить корову

Надоело мне, поверьте слову,
Покупать в сельмаге молоко.
И решил я вырастить корову,
Хоть и знал, что это нелегко.
В тот же день, вопрос обдумав

с толком,
Не боясь ввести себя в расход,
Приобрел я маленькую телку
И большой вагон сплошных забот.
Телка хочет кушать, как известно,
Требует калорий... Но, увы,
На лугах и пастбищах окрестных
Нет для личных телочек травы.
Но зато в правлении колхозном,
Что сулило гражданам корма,
Издана гора приказов грозных
И распоряжений всяких тьма.
Я читал весь день их, час за часом,
Постигал их суть за шагом шаг
И надумал силосную массу
Сделать из правленческих бумаг.
Измельчил мешок распоряжений,
Намолот приказов целый воз
И, не принимая возражений,
Это блюдо телке преподнес.
Так была в колхозе нашем скоро
Решена проблема наконец!
...Рожки я отнес в заготконтору,
Ножки сдал жене на холодец...



ИЗ ЗАЛА-
СЮДА!

„Операция Амур“

Темная, словно локоны Шехерезады, ночь пала на акваторию Комсомольского озера, что в самом центре Душанбе. Тихо плескалась озерная волна. В соседней пустой чайхане часы пробили полночь...

Лейтенант милиции Сайфутдин Зайнутдинов взглянул на светящийся циферблат часов, застегнул жилет и расстегнул кобуру пистолета. Операция «Амур» вступала в решающую фазу.

— Главное — не сплунуть их раньше времени, — шептал детектив, ступая по предательски шуршащим листьям.

Из-за последнего куста он выглянул. Впереди у самой воды неторопливо двигались два силуэта. Вот они приблизились к скамейке, сели. Сайфутдин замер в стойке охотничьей собаки. Большой силуэт потянулся к малому, головы их сблизилась... Пора! И яркий свет карманного фонарика выхватил из темноты целующуюся пару.

— Встань! Следовать за мной!
— Документы на стол! — оперативным баритоном приказал он, когда за преступниками захлопнулась дверь.

У Него их не оказалось. У Нее где-то в недрах сумочки отыскалось студенческое удостоверение. Она малодушно ревела. Он крепился изо всех сил, но тоже, как говорят профессионалы, потерял лицо.

Сайфутдин Зайнутдинов лазерным взглядом сверлил их поникшие фигуры, нагнетая в себе потенциал справедливого негодования.

— Ну! — рявкнул он, и эхо пустой дежурки возвело в куб его праведный гнев. — Значит,

морально разлагаемся, да?

Но тут, задавив предательскую дрожь, поднялся со стула Он:

— Мы только поцеловались, разве это запрещается?

— А вот я вас в сводке отражу да в институт сообщу! — стыкая брови в одну линию, взревел Сайфутдин.

— Не надо, мы больше не будем, — прошептала Она.

— Можно, конечно, и не сообщать, — меняя тон, сказал Зайнутдинов, — можно и штрафом обойтись. Деньги-то есть? Ну, ладно, с вас на первый случай тридцатка. Я не бюрократ, я, в сущности, добрый, даже квитанцию выписывать не буду.

Отдадим должное Зайнутдинову. Принял все-таки лейтенант во внимание смягчающие обстоятельства — молодость нарушителей и отсутствие судимости. С тех, кто постарше, взимал по полсотни с носа. Не чванился, денег не было — брал мелкими вещами. И промышлял так довольно долгое время. В одном оплошал: желая нагнать побольше страха, записывал провинившихся в журнал, который впоследствии и подвел борца за нравственную чистоту.

Следовательно прокуратуры оставалось в номерном порядке вызвать любителей ночных прогулок у озера, которые и подтвердили, что все до единого оплатились в свое время за вздохи на скамейке.

Сайфутдин же на восемь лет уединился в обитель, куда не долетают стрелы Амура.

П. ГАЙРАТ.
г. Душанбе.



— Исчезают бизоны, бобры...
— А я бы еще записала: нитки, зубные щетки, носки!!!

Рисунок
Г. КАРАВАЕВОЙ



Мануил СЕМЕНОВ,
специальный корреспондент «Крокодила»

КАМЕННЫЕ ГОСТИ



Вот она... о, тяжело
Пожатье каменной его десницы!
А. С. Пушкин.

СЦЕНА I

Вестибюль отеля. Путник и Старожил.

Путник. Спасибо вам, что указали новую обитель эту и проводили. Дождусь утра здесь. Ах, наконец достиг ворот Ростова. Скоро я полечу по улицам знакомым. Как думаете, узнаю город?

Старожил. Не стоит благодарности, что проводил,—пустяк. А узнаете ли город? Вы не были тут сколько?

Путник. Лет пятнадцать.

Старожил. Ого! Расцвел Ростов, богаче стал.

Путник. Слышал о стройках ваших, убранстве городского, скульптурах, монументах...

Старожил. Да, прибавилось их племя, не к ночи будь сказано.

Путник. Что так?

Старожил. Увидите и убедитесь сами. Вам тоже страшно станет. Не пропустите лишь момента, когда часы пробьют двенадцать. (Уходит.)

Путник. Почему? Странный какой-то человек... То ли профессиональный хулиган, то ли страстный патриот города?

СЦЕНА II

Вестибюль и площадь перед тем же отелем. Полночь. Путник. Дежурная. Каменные гости. Афишная Тумба.

Путник. Какая ночь! В апартаментах душно. Лимонном и листовом лавровым пахнет. Не иначе негодяи с юга был постоялец прежний. (К дежурной.) Вы не стучали в дверь?

Дежурная. Где там стучать! Только сейчас последних запоздалых жильцов по койкам уложила.

Путник. Значит, не вы? Заснул я. Потом будто кто в плечо меня толкнул: иди, уж полночь скоро! И впрямь пора. (Бьет часы.) Пойду.

Дежурная. Ага, подышите свежим воздухом. Ночной зефир струит эфир... (Засыпает.)

На площадке пустынно, тихо. Вдруг откуда-то доносится шум, грохот.

Путник. Откуда шум, грохочет кто в сей неурочный час?

Тумба. Начинается шашбаш статуй. Вот полюбуется. По асфальту, будто на роликах, катится скульптурная группа: человек с высоко поднятой рукой и другой, распростертый у его ног.

Путник (сверкаясь с зажатой в руке буклетом). Вы монумент «Преемственность поколений»?

Тумба. Они самые. Стоят на взгорье при въезде на площадь Стачки. Правду я говорю? Статуя кивает головой в знак согласия.

Путник (со страхом). Ожили!

Тумба. Да сейчас Каменные гости начнут жаловаться.

Первый гость. Обиден смех людской. Острые таксисты-пошляки. Один, мол, ослабел от бормотухи, лежит, другой спецовку поднял, сигналит: «Эй, шеф, остановись!»

Второй гость (опираясь рукой о наковальню, тяжело поднимается). А я уж и не помню, когда держал в руке пенистый кубок. Какая клевета и злой навет! Из ночного мрака возникает другой монумент: Женщина, Мужчина и Ребенок.

Путник (опять сверяется с буклетом). Вы из Змиевской балки?

Женщина. Оттуда.

Мужчина. Там я стою коленопреклоненный.

Ребенок. А я обнявши мать свою.

Тумба. Разговорчивые люди. Вы расспросите, что беспокоит их.

Путник. У вас тоже жалоба?

Мужчина. На скульпторов. Архитектора посетители хвалят за удачное оформление, а скульпторов ругают.

Ребенок. Говорят, работали тяп-ляп.

Женщина. Не только небрежность, но и полное нарушение пропорций. Посмотрите, какая у меня рука. (Опускает поднятую руку, и она почти достигает щиколотки.) Пробовали ее укоротить, срубили бетон на кончиках пальцев, а стальные штыри остались. Незастежично!

Снова издали доносится шум, тяжело-ловзвонкое скаканье.

Тумба. А вот и «Тачанка».

На площадь выезжает запряженная тройкой тачанка с пулеметом и тремя седоками.

Путник (не раскрывая буклета). А вас я знаю. Вы из Каховки. Там видел прошлым летом.

Первый седок. Нас видеть не могли в Каховке. Родились тут мы.

Второй седок. И хоть слепо скопированы с каховской «Тачанки»...

Третий седок. ...путать нас не след. Там — признание, государственная премия, а тут — хула одна.

Тумба. По справедливости она!

Из вестибюля отеля доносится бой часов, и Каменные гости исчезают. Тумба безмолвна. И только предутренний ветерок шуршит порванной афишей.

Путник. Домой, скорей в кровать! Прочь, виденья! (Убегает.)

СЦЕНА III

Худфонд местного отделения Союза художников. Путник. Протоколист.

Путник. Явились прошлой ночью виденья мне. Странно.

Протоколист. Каменные гости? Ничего странного, наши гости. Вот что записал художественный совет о первом из них (читает): «Общее композиционное решение неудачно, отсутствует единство. Дробность, тема не раскрыта и не соответствует пластическому решению. Неоправданность размера, гигантомания. Низкое техническое качество исполнения. Произведение антихудожественно».

Путник. Похоже. Ну, а о втором госте, из Змиевской балки?

Протоколист. Пожалуйста (читает): «Общее архитектурно-пластическое решение удачно. Скульптурная часть антихудожественна. Низкий профессиональный уровень и техническое качество».

Путник. Пожалуй, справедливо. Нашлись, конечно, подходящие слова и для «Тачанки»?

Протоколист. Нашлись (опять читает): «Композиционное решение неудачно. Непропорциональность в построении скульптурной части. Многословность. Небрежность, нерышлявость исполнения. Низкий профессиональный уровень».

Перепевы

Алексей ПЬЯНОВ

Всесоюзная безвестность

Что вы суеитесь!
Не пойму...
Я, рожденный истинным поэтом,
Не известен вовсе никому
И несколько
Не тужу при этом.

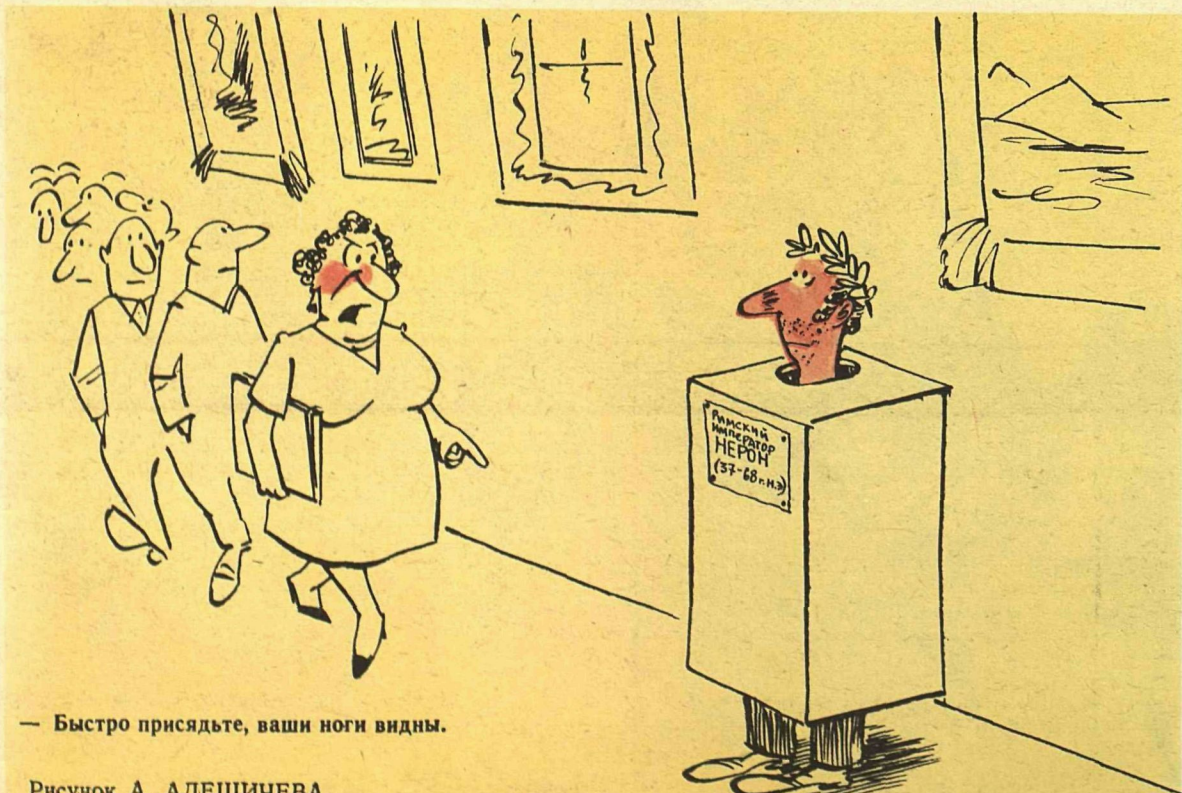
Книг моих
Почти не издают.
Критики
Бессмертья не пророчат.
Земляки в лицо
Не узнают.
И никто в альбом
Не просит строчек.

Я ж такому положенью
Рад.
И, ценя не почести,
А честность,
Признаюсь,
Что выше всех наград
Эта всесоюзная
Безвестность.

Славы хмель
Оставим молодым.
Знает каждый
Истинный художник:
Слава что —
Она пройдет, как дым,
А безвестность —
Это понадежней.

Слава богу,
Тем и знаменит,
Что к безвестью
Делом приколочен.

Сергей Поликарпов.



— Быстро присядьте, ваши ноги видны.

Рисунок А. АЛЕШИЦЕВА



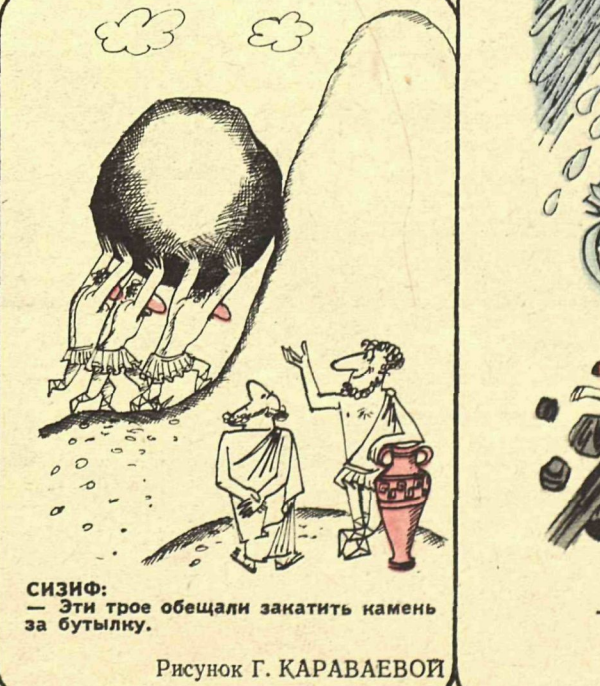
Рисунок Ю. УЗБЯКОВА



Рисунок Н. МАЛЮВА

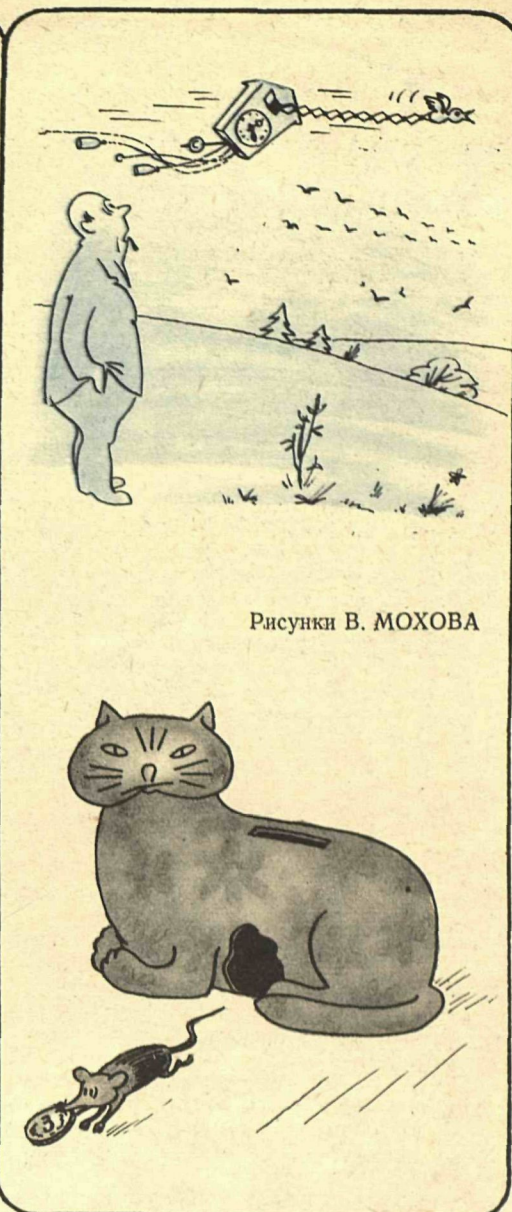


Рисунок Л. ФИЛИППОВОЙ



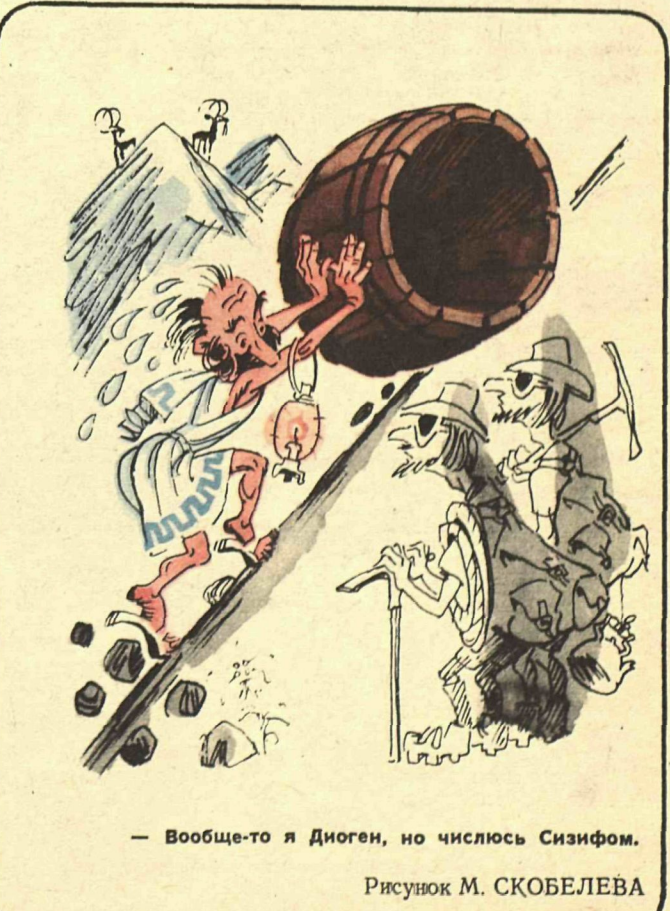
СИЗИФ:
— Эти трое обещали закатить камень за бутылку.

Рисунок Г. КАРАВАЕВОЙ



Рисунки В. МОХОВА

КРОКОДИЛКИ



— Вообще-то я Диоген, но числюсь Сизифом.

Рисунок М. СКОБЕЛЕВА

Мих. РАСКАТОВ

ТРАГИЧНЫЙ СЧЕТ

За последние десять лет в США удвоилось число убийств с применением огнестрельного оружия. Каждые сорок минут совершается убийство.

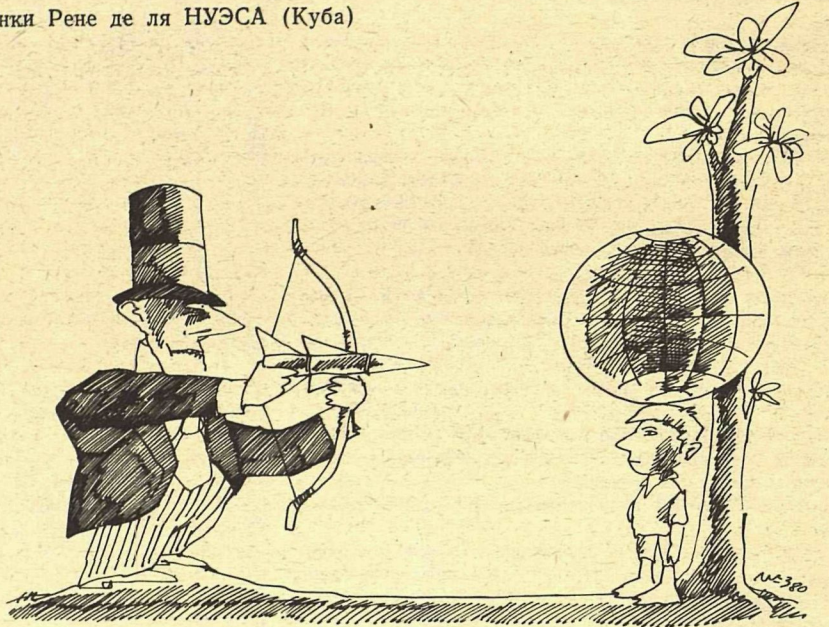
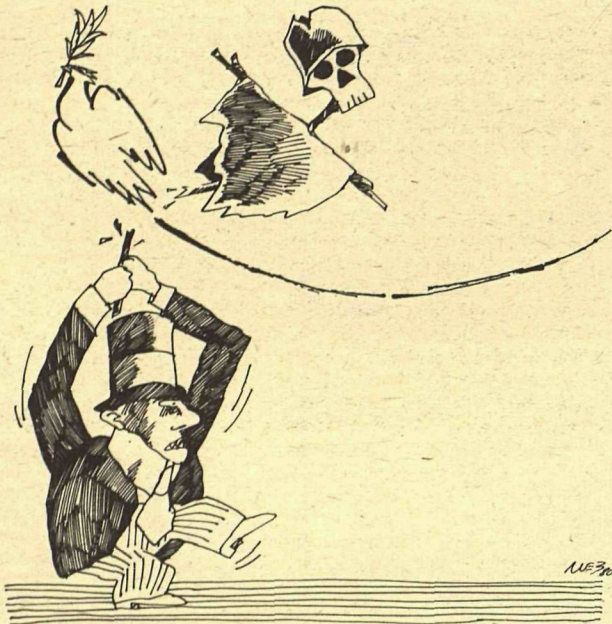
Вот перед вами «Свободы» приметы, Известные взрослым и детям даже: Винтовки, ружья и пистолеты Всегда в продаже! Всегда в продаже! Ими владеют дяди и тети, Ими владеют и паиньки-мальчики. В каждом приличном доме найдете Полезные частные арсенальчики. С ними на свете уютно живется, Пока, естественно, вы живой...



НО Каждые сорок минут раздается Выстрел, короткий и роковой! НО Каждые сорок минут методично Летят смертоносные граммы свинца! НО Каждые сорок минут ритмично Останавливаются сердца! Куда от статистики этой деваться! Ведут минуты трагичный счет: Сегодня — сорок, А завтра — двадцать... А послезавтра что принесет!..



Рисунки Рене де ля НУЭСА (Куба)



КРОКОДИЛЬСКАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ ГАЗЕТА

ВОКРУГ СВЕТА И ТЬМЫ

ОТРАВИТЕЛИ...

Рисунок Е. МИЛУТКИ



Дружеская услуга

Сын гамбургского мясника, восемнадцатилетний Аксель Фосс, завидовал папе и маме. У папы и мамы есть своя мясная лавочка и деньги, а у него, бедного мальчика, нет ни черта, и приходится униженно выклянчивать у фатера на сигареты и жевательную резинку. Конечно, фатер и муттер со временем состарятся и отдадут богу душу и он, Аксель, унаследует лавочку вместе с топором и колодой, а главное, вместе с кассовым аппаратом, но когда это еще будет! Предки у него крепкие, жилистые, живучие.

Дошлый Аксель решил ускорить ход событий. Он предложил лучшему другу, семнадцатилетнему Христиану Томсену: «Кокни моих предков, приятель, а? А то у меня как-то рука не поднимается, все-таки папа с мамой...»

Уголок уголовщины

— Понимаю, — кивнул лучший друг. — Четыре тысячи марок, и ты круглый, но жутко богатый сирота.

Шесть недель потребовалось Акселю Фоссу, чтобы накрасть из паниной лавки требуемый гонорар для убийцы.

Юный Томсен не подкачал и исправно пристрелил чету мясников Фоссов.

А дальше пошли сплошные разочарования. Впервых, полиция «расколола» Акселя и его лучшего друга-приятеля. А вторых, и это главное, обнаружилось, что если бы даже Акселя не накрыли, он все равно не получил бы ни пфеннига. Покойные его родители умели держать язык за зубами при ребенке и ни разу не проболтались, что на приобретение лавки они взяли ссуду и увязли в долгах, так и не расплатившись с банком...

Полицейская хроника

Неэтичный поступок

Два полицейских, несших вахту в тюрьме Йоганнесбурга (ЮАР), — Петер Схардело и Йоханнес Грунвальд были осуждены на полгода условно за то, что... украли у своего товарища — полисмена Йохана Реедера восемьсот долларов. Действительно, нехороший, неэтичный поступок! Ведь бедный пострадавший Реедер не нашел эти деньги на улице. Честный полицейский тюремщик изрядно попотел, пока вымогал эти деньги у преступников, отбывавших наказание в той же тюрьме...



КТО СМЕЕТСЯ ПОСЛЕДНИМ

Эркондишен надрылвался. Изю всех своих лошадиных сил он гнал струи холодного воздуха в накаленный страстями конференц-холл. Гнали свои закорючки экстра-классные стенографистки во главе со строгой миссис Поппинс.

В пятистенном красавце холле за-седал патриотический густок, инициативный кулак, которому штаты доверили вставить палку в колеса московской Олимпиады.

Но легко сказать «палку в колеса» — а как это сделать? Как задержать спортивных энтузиастов, которые и слушать не хотят про бойкот и рвутся в логово красного медведя?!

А ведь как хотелось сорвать! Как мечталось всем миром бойкотировать! В розовых снах виделось собственное торжество и посрамление Москвы. В эти ночи посрамитель просыпался со злорадным хохотом, пугая спящих рядом родных и близких.

Но явь была жестокой. Хотелось рвать, метать и кусать локти от своего бессилия.

Что же делать? Этот мучительный вопрос, как грозная туча, навис над полами собравшихся в конференц-холле.

Слово берет видный специалист по политическим каверзам мистер Майкл Розм. Он делает хорошую мину при плохой игре.

— Леди! Джентльмены! — кидает он семена бодрости в приунывшую аудиторию. — Что это — экстренное заседание по срыву Олимпиады или похоронная процессия приюта инвалидов по поводу кончины любимой кошки? Где кураж, друзья мои? Где наша национальная смекалка, соотечественники? От нас ждут самых срочных, самых дерзких каверз, чтобы напакостить ненавистным московским Олимпийским играм. Нам нельзя опускать руки. Надо спешить! Время не ждет! Время играет не на нас, а на Игры! Думайте, господа, предлагайте, ищите!

— Есть идея! — громко пискнула субтильная леди, ровесница века, пришедшая на заседание со звездным флагом. — Погода, господа! Погода — это важнейший фактор! Холод, ветер, тучи, дождь могут испортить любое мероприятие. Хорошо бы запустить на московском стадионе полдюжины ветродуев, и тогда...

— Кто вас пустит на стадион с ветродуем под мышкой? — раздался голоса из зала.

— Можно пронести под видом телекамер Эн-Би-Си! В чехле!

— Каких камер? Опомнитесь! Белый дом запретил Эн-Би-Си транслировать на Америку олимпийские состязания в Москве. И вообще запретил поставку любого технического оборудования!

Вспыхнувшая было надежда опять погасла. Аудитория погрузилась в еще более глубокое уныние.

Но вдруг двери конференц-холла распахнулись, и все увидели на пороге улыбающегося, энергичного официального лица мистера Джерри Шортхэнда — полномочного представителя Белого дома.

— Радостная весть, господа! — с разбега воскликнул он, атлетическим жестом приветствуя высокое собрание. — Я только что из Белого дома! Президент наложил эмбарго на поставку в Москву спортивного оборудования, без которого вся эта затея с Играми будет иметь, ха! ха! бледный вид!!

Радостный рев потряс зал. Собравшиеся жали руки, обнимали, поздравляли друг друга. Славная старушка, в экзальтации размахивавшая звездным флагом, не рассчитала амплитуды и дровком звезданула по голове впереди сидящего, не уступающего ей в возрасте джентльмена. Травмированного унесли санитары. Лежа на носилках, он кричал, что счастлив пролить кровь за святое дело срыва Олимпиады.

— Мы обещали обеспечить Олимпийские игры мячами, — воодушевленно продолжал Джерри Шортхэнд, — но, к нашей общей гордости, президент взял свое обещание обратно. Полчаса назад он наложил на

ввоз мячей неумолимое эмбарго! Представляете, как заплещут эти, как их там, фут-баскет-волей «боллисты», когда окажется, что не по чему бить, не за чем гоняться?! — Оратор с трудом удерживал одолевавший его смех. Зал хватался за животики. — Вообразите, выбегают эти самые олимпийцы в трусах, а шарика-то нет! Бедолаги приготовились вволю погонять мячик, четыре года в поте лица тренировались, а придется уходить, как это говорится у русских, «несолоно гонявши»!

Зал стонал от смеха. А принесший радостную весть гонец продолжал импровизировать, утирая набегавшие от смеха слезы:

— Звездам мирового футбола придется забивать голы тряпичными мячами или... ой, не могу больше! ха! ха! ха!.. консервными банками! А комментаторы будут вопить в микрофоны: «Го-ол! Тряпка в воротах!» или: «Офсайд! Консервная банка вылетела за пределы поля, и ее ищут на трибунах!»

— Позвольте уточнить, какой именно банкой они будут играть? — поднялся со своего места крупный бизнесмен. — Уж не банкой ли от кока-колы?

— Ну не-ет, — злорадно осклабился посланец Белого дома. — С прохладительными напитками мы их тоже надули! Кока-кола запрещена личным решением президентал Банок от кока-колы у русских не будет!

Все ахнули от восхищения. Но по торжествующему виду стоящего на трибуне Шортхэнда поняли, что это еще не все. И затаили дыхание.

— Хочу также довести до сведения почтенного собрания, — видя нетерпение аудитории, растягивал удовольствие Шортхэнд, — что приземляться незадачливым московским олимпийцам будет не на что!

— ???

— Наш президент запретил ввоз в Москву матов! Какого, а?

— Прелестно! — вскричала леди, махавшая флагом. — Я прямо-таки ясно вижу, как там в России эти бегуны и скакуны прыгают и ломают себе кости!

— А я вижу, как устроители тащат на стадион свои перины! — захихикал бойкий старикашка, судя по избытку морщин — участник Олимпийских игр в древней Эллад.

— Они подстелют свои тулупы!

— Армяки!

— Зипуны! — к удовольствию всех присутствующих, острили эксперты-консультанты по России.

Широко улыбаясь, Шортхэнд продолжал:

— Москву ждет еще один нокаут. Наш президент наложил эмбарго на кое-какой предмет первой необходимости, без которого... — Оратор загадочно замолк.

— Какой предмет?! Говорите! — девятым валом забушевали вокруг. А старушка с флагом от нетерпения лишилась чувств.

— На кружки с олимпийской символикой! Русским и их гостям не из чего будет пить! Жара, солнце печет, пот градом, и всех мучит жажда!

Мощное «Уррра!!!» сотрясло воздух. В едином порыве все кинулись к трибуне. Схватили оратора. Стали качать. На руках вынесли из конференц-холла. Хотя несомый отбивался и застенчиво дрыгал ногой.

Лиюющая процессия очистила помещение, и конференц-холл затих. В нем шелестели бумагами одни стенографистки.

И тут строгая миссис Поппинс, всхлипывая от смеха, повалилась на стул.

— Я едва работала, — призналась она окружившим ее коллегам. — Боже! Какие идиоты! Неужели они думают, что хоть кто-то в Москве заметит отсутствие их мячей, матов или несчастных кружек? Я думала, умру со смеху!

Смеялись все стенографистки. Похотывал смотритель здания дя-дюшка Сомерсет. Во время заседания он стоял у дверей и все слышал.

Недаром говорится: хорошо смеется тот, кто смеется последним.



Рисунок Е. МИЛУТКИ

«ВЕРБЛЮД»



Поезд остановился.

Экспедитор Савосин, чуть помедлив на подножке, прищурившись, быстрым взглядом окинул станцию. Несколько желтоватых домиков, огороды, картофель вдоль линии, кругом побуревшая ольха... Захолустей!

Ехал сюда Савосин в медленном поезде почти целую ночь, но, устав накануне, в дороге хорошо выспался и теперь был полон энергии, намеревался скоро устроить дела. А нужно было уточнить вопрос о поставках лука репчатого.

Настроен был Савосин крайне по-деловому и радовался, что день только начинается и погода сухая, чрезвычайно пригодная для передвижения в условиях сельской местности. А приметив у вокзального крылечка подводу, еще больше взбодрился: его предупреждали, что пешком до деревни, где правление, около часа; теперь будет быстрее.

На краю телеги понуро сидел небритый молодой мужчина в фуфайке. Он болтал ногами, как ребенок.

— Здравствуйте, товарищ! — с подъемом сказал Савосин, подойдя.

— Здравься, — вяло проговорил мужчина. — Я тут отдыхаю, значит. Вот, думаю, кто с поезда в попутчики образуется. Мы, стал быть, с Юшина, выходит, что так. Да.

— Вот и прекрасно, прекрасненько, — зачастил, обрадовался Савосин. — И мне туда, вот совпадение, надо же! — И, бросив портфель на телегу, привычно хлопнул по нему пухленькой пятерней, словно это стол, а не портфель. — Поехали! — решил Савосин, норovia забраться на телегу.

— В Юшино? — нахмурился мужчина, косясь на портфель. — Да-э-э... Далече, пожалуй.

— Далече? — засмеялся Савосин. — Как далече? Мне говорили, пять километров. Или даже три. Пешим делать нечего, а вы говорите — далеко. Да не-е, — тянул очень серьезно мужчина. — Поболе в ту сторону. Да километров шесть будет... Или восемь. Когда как.

— Как это когда как? — опешил Савосин. — Так не бывает.

— Да иной раз шесть, а то вдруг и восемь. Вот ить что.

— Да? Любопытно, любопытно... Сам-то ты куда собрался? — спохватился Савосин, не понимая поведения товарища и особенностей местности.

— Да в Юшино, куда ж еще. А вы тут по делу какому или что?

— Разумеется, по делу. Не гулянка... Ладно, я пойду пешком. Мне некогда прохладиться, — решил Савосин и прицелился за портфелем.

— Туда пешком никак нельзя, — живо проговорил мужик. — Река на пути, а мост худой, по нему не пройти. Только, стало быть, бредать. А воды там — во! — Он полоснул себя ребром ладони по горлу. — И больно жгу-учая, застудисси весь. Ключевая, студеная. Жуть.

— Да? — Савосин напугался. — Река? Откуда река?

— Страсть! Я вона третьего дни переходил, ну голыком весь. Так и то снесло. Еле зацепился за не поймешь что.

— Так вы, я вижу, брод знаете. Ладно, поехали.

— Теперь все дожди, дожди... После дождей вода поднимается.

— Это понятно, — сказал Савосин.

— Так вот. Чего же тогда?

— А что чего?

— Будете пользоваться подводой или как?

— Буду. Пользоваться. Я же говорю. Вперед!

— Правильно, иначе никак. Тогда, значит, пойду узнавать.

— Куда? — в отчаянии воскликнул Савосин, не умевший плавать, никогда ничего в своей жизни не переплывший.

— Да рядом тут, магазин в поселке. Может, открыт уже, не знаю. Купить надо того-сего, пято-десятого. По хозяйству там.

Савосина осенило. Он достал рубль, протянул:

— Вот вам на хозяйство. — И подмигнул понимающе.

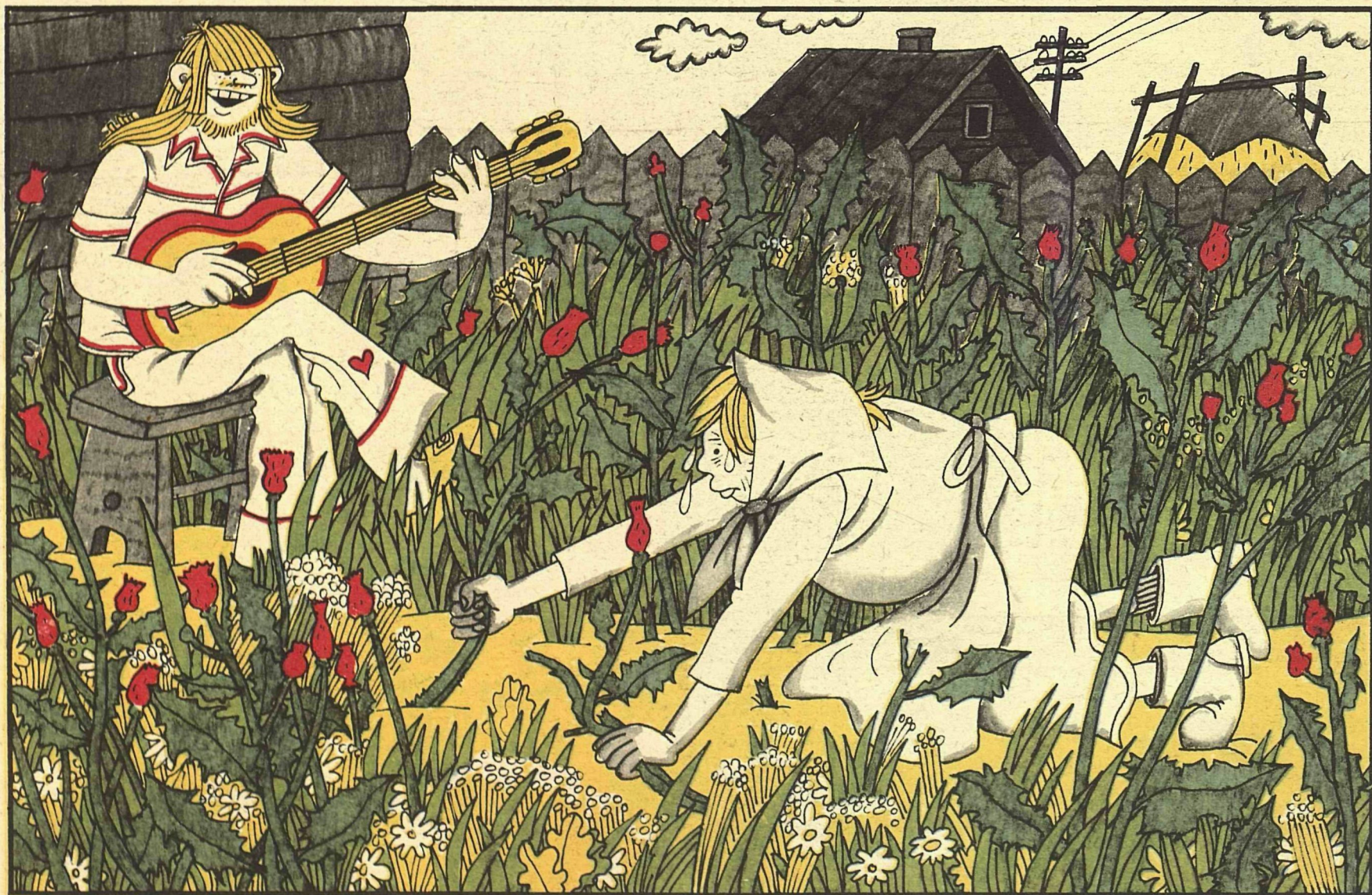
Тот взял деньги, не глядя сунул в карман замызганного галифе.

— Не задерживайтесь, — повелел Савосин, взбравшись на телегу. И, рывком переместив портфель на колени, начал вынимать из него свертки, термос, газетку. Подобрев в предвкушении еды, сказал: — Давай поживее, а? Что ж ты такой, ей-

богу... Увалень в некотором роде. Как тебя зовут?

— Меня? Петром. Петром Федоровичем, — сказал мужчина. — Ну, я живо, — добавил он, разглядывая обнажающуюся из-под газеты курицу. — Да-э... Тогда я мигом в таком случае.

Савосин позавтракал, отнес косточки и колбасные пленки в лопухи. Погулял среди желтых домиков станции, но людей не встретил, ни с кем не поговорил, отчего малость взгрустнул, осудив сельское население, неудержимо стремящееся в



— Это, чтобы вам, мамаша, веселее полоть было.

Рисунок В. ШКАРБАНА

пород. Вернулся на телегу. Сидел еще долго, весь нагрелся на солнце, слабо сердясь, что время уходит впустую. Потом как-то внутренне затих, ничего не думал и просто пребывал в дремотном ожидании праздного человека.

Петр явился все такой же вялый, но хмурость его заметно поубавилась. Подойдя к телеге, он долго, словно вспоминая, оглядывал Савосина, пуская папирозный дым ему, некурящему, почти в лицо.

— Так что? Все подчистую скушали? — сказал он, забравшись на передок. И со всего маху как-ак выпянет вожожкой лошадь, так что Савосин еле удержался в телеге от рывка, ладно успел вцепиться в борт.

— Н-но! Верблюду! — гаркнул Петр.

— Какой же это верблюду? — кое-как засмеялся Савосин, заикаясь на рывках и выбоинах. — Или это так лошадку твою... вашу зовут?

— Верблюду — он ест много! А кобыла одну траву! — зычно отозвался Петр, и Савосин почувствовал недоброе.

— Почему же это много? — сказал он. — Верблюду ест мало, это животное неприхотливое, он потребляет юлочки и саксаул. Корабль пустыни! — вспомнил Савосин нектати. — Дромадер! — Да ладно, колочки... Ничего себе, колочки! Знаем. Вон все сожрал, как верблюду какой. Корабль пустыни тоже мне.

Савосин растерялся и совершенно не мог сообразить, что же сказать. «Бездельник, — трясясь на телеге, думал Савосин. — Вот и лошадь плетется еле-еле, каков хозяин, такова и...»

— Вам, Петр Федорович, образования не хватает. А я хоть из города, труд колхозный уважаю, у меня собственный участок за городом имеется. А вот ваше поведение мне никак не понятно.

Петр, обернувшись, смотрел очень внимательно, как на диловинку, даже чуть приоткрыл средние щетины рот.

«Разве не то говорю? — с беспокойством подумал Савосин. — Чего он уставился как баран, понимаете...»

Сбоку от дороги среди редких берез блеснула вода.

«Река? — удивился Савосин. — Так быстро?» Но удивление сменилось беспокойством. «Воды — во, застудисси весь!» И он с ногами подвинулся на середину телеги, обнял портфель и приготовился к тяжелой переправе.

Медленно протряслись по каменистому склону, вскоре въехали в ручей, плоско разлившийся по переездем большой луже, курице по колено. Ах, Петр, Петр, проказник, вымогатель, фантазер!

Лошадь сразу остановилась и принялась пить, чуть касаясь губами воды, пофыркивая и встря-

хивая мордой. Савосин, криво ухмыляясь, глядел, как лошадь сосет воду, студеную якобы; видел пестренькие камушки на близком дне, струистую, переливчатую воду, и ему тоже захотелось пить.

Он открыл портфель, снял крышечку термоса, нагнулся, поддел воды и тут заметил краем глаза, что Петр, приподнявшись на локте, с интересом наблюдает. Савосин неловко покосился, вылил воду обратно, зачерпнул... Но в этот момент лошадь дернулась, и он свалился с телеги, — как был нагнувшись, и ткнулся лицом в воду. Однако благодаря удаче весь не вымок, остался на четвереньках. Опомился, вскочил, фыркнул, утерся испеканющим рукавом и, сам того не желая, посмотрел с напряженным предчувствием на Петра. А тот хохотал, стоя по щиколотку в воде: приседает, глаза зажмурив, одной рукой придерживает кепку на голове и хохочет во всю мочь. Даже лошадь, наострив уши, вздрагивая, косилась.

— О-ой, верблюду! Ой, не могу! — И, передохнув, опять смеялся, смеялся, пока не засипел.

А лошадь тем временем утащила сама собою на середину ручья. Портфель подпрыгивал на телеге как живой и вот-вот должен был упасть в воду и уплыть.

— Тпр-р, черт! — сквозь смех прорычал Петр и побрел по воде, охая и постанывая.

Влажный Савосин поискал на дне стаканчик, но не нашел — уплыл он.

Подобрав полы пальто, враскорячку зашагал вослед телеге. Воды по всему броду было мало, чуть выше щиколотки — резиновых жениных сапог вполне хватало для форсирования. Выйдя на берег, он догнал телегу, одернул разинувшийся портфель. Застегнулся доверху и, зажав подмышкой ношу, свернул с дороги на тропинку.

Петр догнал и, не слезая с телеги, заговорил: — Это вы чего? Пешком надумали? Еще дале-

че-е... Савосин посмотрел на Петра строго. «Неужели он из Юшина?» — с тоской подумал Савосин и прибавил ходу.

— Так садитесь, что ли? — доносился голос Петра. — Ладно там не на чем бы было, а то она телега и эта... она лошадиная сила. А? Или брезговаете? Тада ладно, как желаете, я обратно еду.

Савосин не оглядываясь, широким шагом, что никак не подходило для его приземистой фигуры, направился по тропинке к виднеющимся на пригорке домам.

У дорожной канавы стоял столб с синей табличкой. На ней белым было написано: «д. Юшино».

— Так, — остановился перед столбом Савосин. — Прибыли, значит.

Он оглянулся на дорогу. Лошадка живо бежала в сторону станции.



Такой шуточной эмблемой встретил гостей недавно созданный клуб подстанции сатиры МОССХ. Первый вечер московских карикатуристов состоялся 10 апреля в Доме художника на Кузнецком мосту, а первое высказывание «новорожденного» было, разумеется, «О чувстве юмора и остроумии». Научно обосновал эту тему кандидат философских наук А. Н. Лук, намеренные вопросы докладчику задавали поэт С. Смирнов, художник М. Абрамов и другие гости. Стены зала украшали пятьдесят последних работ художников-крокодилцев. Встреча закончилась просмотром нового сатирического мультипликационного фильма «Премудрый пескар», уже увенчанного различными лаврами. Зрители долго и с удовольствием аплодировали отсутствовавшим по различным причинам авторам: писателю М. Салтыкову-Щедрину, сценаристу В. Мережко, режиссеру В. Караваеву, художнику С. Алимову.

Подсекция сатиры полна решимости учинять клубные посиделки не реже раза в месяц. Очередная встреча и обмен мнениями карикатуристов со зрителями произойдет в середине мая в Измайловском парке культуры и отдыха на фоне выставки из фондов «Крокодила».

29 мая в Доме художника состоится дискуссионный вечер на тему «Реалистические традиции советской сатиры». А в первых числах июня в фойе кинотеатра «Фитиль» откроется новая экспозиция работ московских сатириков «Нет — холодной войне!».



«Детский сад приглашает на работу: Дневных нянь, Машинистку для стирки белья». Прислала Е. Носкова, г. Новосибирск.



(Маркировка этикетки в кафе «Спорт»). Прислал Д. Казарцев, г. Златоуст.

«Недовес биточков из говядины объясняю тем, что работали два практиканта, в настоящее время в столовой работают восемь практикантов». (Из объяснительной). Прислала Е. Бацева, г. Калининград.



(Плакаты на улице). Прислал Ю. Пономарев, г. Новокузнецк.

«Лопажину что попадаетея по пути, он все съедает, ничего не оставляя прекрасного».

(Из школьного сочинения по пьесе «Вишневый сад»). Прислала О. Шерина, Кемеровская область.

РОДИТЕЛИ!
Вы в ответе за своих детей,
если они пачкают стены,
разбивают эл. лампочки,
ломают деревья.
Что вы для этого сделали?

Прислал В. Бирюнов, г. Астрахань.

Ю. ЧЕРЕПАНОВ

ОЛИМПИЙСКИЙ КАЛЕНДАРЬ

1964 г. XVIII Олимпиада

В Токио съехались многочисленные болельщики, поговаривали, что даже Фудзияма «заболела».

Желтые листья, приземляясь на кладбищенские мокрые аллеи, навевали грусть-тоску. Но я приехал на Северо-восточное кладбище города Омска не для того, чтобы в скорбном молчании постоять у могилы усопших родственников. Сюда привел меня Нодари Орагвелидзе, сердце которого разрывали горечь и боль.

— Вот,— сказал Нодари Николаевич,— здесь похоронены мои жена и теща. На их могилу я привез полированную плиту из далекого города Тбилиси. Три дня и три ночи я благоустроивал могилу. А когда наутро четвертого дня пришел взглянуть на плоды труда своего, то едва не потерял рассудок. Плита исчезла, а вся могила оказалась обезображенной рытвинами...

Что и говорить, с нелегким сердцем уходил Нодари Орагвелидзе с кладбища. А я потом еще три раза приезжал сюда, желая узнать, как оценивают здесь этот, к сожалению, не единственный факт. И каждый раз встречался с новым хозяином кладбища.

В. Диттер, например, не могла мне уделить ни минуты. Ей приходилось крутиться за всех. Оно и понятно: зачислив в штат десяток липовых рабочих, она только и успевала получать за них зарплату... Другой заведующий, В. Сизов, напротив, был медлителен и задумчив. Он смотрел в одну точку, шумно и глубоко дыша. От проспиритованного дыхания умирали мухи на стеклах. И только третий, В. Власов, был трезв, как стеклышко, однако сонлив до отупения.

— И зачем только ездите, ножки бьете? Покойник, он что? Он тишину любит. А ревизор разве блюдет тишину?..

Неудивительно, что при таких хозяевах на Северном кладбище, например, вечерами носятся по аллеям на велосипедах подвыпившие орды. На полном ходу стреляют они из пневматических ружей по могильным фотографиям. Удар металлическим прутом — и поврежден памятник гвардии генерал-майору, Герою Советского Союза, именем которого названа одна из улиц Омска. Еще удар — и пострадал памятник известному в стране профессору, заслуженному деятелю науки... После одной такой вылазки только на Северном кладбище бывают испорчены, повреждены, нарушены десятки памятников.

«А куда смотрит кладбищенская охрана? — спросите вы. — Спит, что ли?» Нет, не спит, а клацает зубами от страха, словно в лютую стужу. Ибо со звоном влетает в сторожевую будку брошенный хулиганской рукой кирпич, высадив сразу оба окна. И забивается в угол смотритель кладбища Александра Федоровна Орлова... Что она может предпринять? На кладбище нет телефона, аллеи не освещены, милиция и дружинники сюда навещаются редко... Зато гуляет здесь без удержу неумная молодежь, вроде слесаря автоколонны управления «Омскцелинстрой» Анохина.

Вместе с дружком, обманом заведя в эту тихую обитель несовершеннолетнюю С., он снял с нее новенькие джинсы и прочие предметы туалета. Слава богу, что отпустил ее после ограбления домой. Впрочем, в следующий раз все завершилось не так сравнительно безобидно. Застав у одной из могил двух девушек, тот же Анохин, теперь уже с двумя дружками — Камаловым, рабочим завода кислородного машиностроения, и Молодых, трудившимся в том же «Омскцелинстрое», — совершили насилие над ними, предварительно ограбив...

Но есть ли все-таки дружинники? Дождемся ли мы их? В той же автоколонне управления «Омскцелинстрой» дружина по охране общественного порядка вообще не создана. Есть неподалеку от Северного кладбища два предприятия: филиал № 5 производственного объединения «Омскмебель» и СМУ областного управления торговли. Но и дружинники этих предприятий ни разу не появились на территории кладбища.

Впрочем, это и закономерно.

— Мы на охрану кладбищ дружинников не ориентируем,— сказал мне заместитель начальника Первомайского РОВД гор. Омска Федор Николаевич Шишунов.

Что ж, дело хозяйское. Ну, а сама-то милиция проявила активность? Так и лежит-пылится уголовное дело о глумлении под памятником упомянутому выше гвардии генерал-майору, Герою Советского Союза. И на том месте, где должна значиться фамилия преступника, стоит пока огромный вопросительный знак. Работники того же Северного кладбища поведают о новых фактах хулиганства, и нет ни одного случая в гор. Омске, чтобы кого-либо осудили по статье Уголовного кодекса РСФСР «Надругательство над могилой».

Как часто можно прочитать: «Память об умершем сохранится в наших сердцах». Хотелось, чтобы не только в сердцах...

П. АЛЕКСЕЕВ.
г. Омск.

Юрий БЛАГОВ

Враг

совместительства

С утра пораньше, будучи «на взлете»,
Он столько алкоголя поглощал,
Что где уж было думать о работе!..
С работой пьянку он не совмещал.

Семен ПИВОВАРОВ

С кем быть?

Хороший товарищ мой новый сосед.
Заведует складом он несколько лет.
Хороший,
Но все же я с ним не дружу,

К себе не зову и к нему не хожу.
А все из-за этого склада —
Подумает: что-нибудь надо.

г. Феодосия.

А. МАЛИН

Сказка и быль

В арабской сказке выпустил мужчина
На волю из бутылки духа — джинна.
Был этот дух весьма свиреп, силен,
Но все ж мужчине подчинился он.

Теперь не то:
Бутылка из мужчины
На волю часто выпускает джинна.
Мужчине этот буйный дух-дурак,
Увы, не подчиняется никак!

УЛЫБКИ

Судья спрашивает у обвиняемого:
— Вы когда-нибудь привлекались
к уголовной ответственности?
— Да, но очень давно...
— Когда именно!
— Десять лет тому назад.
— И что вы делали с тех пор!
— Как что! Сидел в тюрьме.

Януш ОСЕНКА (Польша)

Сюжет для рассказа

Я заметил ее в толпе у книжного прилавка. Красивая блондинка с голубыми глазами.

— Извините,— сказал я,— не можете вы мне уделить немного времени?

Она удивленно подняла брови и подозрительно посмотрела на меня. — Нет, нет,— поспешил уверить ее я,— это не то, что вы думаете. Речь идет о чисто литературных вопросах. Видите ли, я литератор...

— Вы пишете книги? — Она с любопытством посмотрела на меня.

— Вообще-то да,— сказал я,— но, к сожалению, писательская стезя не всегда усыпана розами... Мы вышли из книжного магазина.— Самая большая трудность,— продолжал я,— нехватка бумаги. И пока не войдет в строй новый целлюлозный комбинат, положение вряд ли заметно улучшится. А пока что авторам приходится годами ждать появления своих произведений. Именно поэтому я решил сам предпринять какие-то шаги, чтобы вступить в непосредственный контакт с читателями.

— Как это — непосредственный? — удивилась она.

— Если вы позволите... — проборотал я,— мы сейчас как раз около моего дома... Может быть, мы бы зашли на минутку, и я бы смог спокойно изложить вам суть моего метода. Дело, повторяю, в нехватке бумаги.

— А это удобно? — испугалась она.

— Не вижу, что могло бы вас смутить,— поспешил уверить ее я.— Ведь речь идет только о затруднениях с поставкой издательствам бумаги.

Спустя несколько минут я уже помогал ей снять пальто в передней моей маленькой квартирке. Разрешила она это с видимым усилием.

— И что же мы будем делать? — подозрительно спросила она.

— Видите ли, мне бы хотелось как-то бороться с нехваткой бумаги. И поэтому я решил устно рассказывать читателям то, что должно было составить мою книгу.

— Ах так... — В ее голосе появилась нотка удивления.— Наверное, это очень трудно...

— Да, дорогая читательница. Но не буду скрывать: иметь дело с из-

дательством тоже не слишком-то легко. Вы и представить себе не можете, как умеют капризничать, придираться и мучить редакторы... Надеюсь, вы не откажетесь от рюмочки коньяка?

— Мы будем пить? — испугалась она.

— При чем тут пить? — удивился я, разливая коньяк.— Речь идет только о создании благоприятных условий для чисто литературного процесса. Как вы можете догадаться, материальное положение писателя, вынужденного пользоваться устным методом, бывает довольно затруднительным. Но не экономить же на литературном процессе. Поэтому-то — не считайте это за хвастовство — коньяк я покупаю только «Отборный»...

— А скажите,— внезапно спросила она,— вы рассказываете свои произведения мужчинам тоже?

— Пробовал,— признался я.— Но не выдержал финансово. Читательница выпьет одну рюмку. Ну, две. Редко — три. А читатель мужского пола тянет спиртное, как губка. Ни один литературный бюджет не выдержит. Особенно, как я уже говорил, при нынешнем положении с бумагой... И потом, выпив бутылку, мужчина теряет нить повествования, и ему становится совершенно безразлично, что я рассказываю...

— Я просто восхищена вами! — воскликнула она.

— С вашего разрешения, начнем литературный процесс,— сказал я и придвинулся ближе к ней.— Вот сюжет моего рассказа: он писатель. Она читательница. Они встретились в книжном магазине в период трудностей с бумагой. Пытаясь внести свою лепту в борьбу...

Когда я провожал ее к такси, была уже поздняя ночь. Я вздохнул и заплатил таксисту вперед.

На следующий день я снова пришел в книжный магазин. Разыскивая в толпе книголюбов какую-нибудь новую читательницу, я думал о том, что каждый автор мечтает о больших тиражах своих произведений. Увы, при моем методе о многом говорить не приходится...

Перевел Н. ЛАВКОВСКИЙ.

№ 15 (2313)

М а и

Главный редактор Е. П. ДУБРОВИН

Редакционная коллегия:

М. Э. ВИЛЕНСКИЙ, А. Е. ВИХРЕВ [зам. главного редактора], А. Б. ГОЛУБ, Б. Е. ЕФИМОВ, А. П. КРЫЛОВ [художественный редактор], Г. О. МАРЧИК, И. М. СЕМЕНОВ, М. Г. СЕМЕНОВ, С. В. СМЕРНОВ, А. А. СУКОЦЕВ, А. И. ХОДАНОВ [ответственный секретарь].



РАЗНЫХ

Депутат парламента обедает в ресторане. Метрдотель спрашивает его:
 — Как вам понравилось это блюдо, господин сенатор?
 — Очень. Жаль только, что картошка имеет в нем абсолютное большинство.

ШИРОТ

Добрин ДОБРЕВ (Болгария)

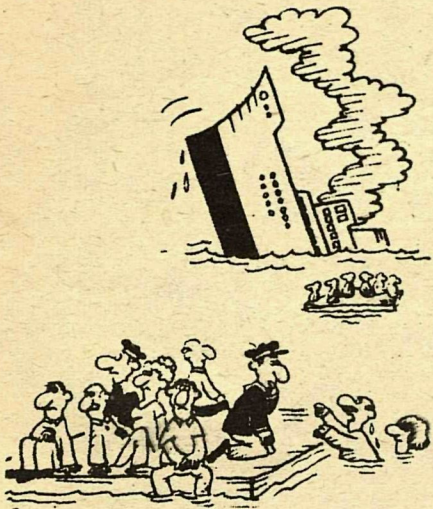
Привычка

После нескольких лет вдовства Мортенсен женился на сестре своей покойной жены. Свой поступок он объяснял так:
 — Нельзя, чтобы мужчина в моем возрасте привыкал к новой теще!

Свенссону удалось убедить глазного врача, что у него плохое зрение и он не годен к военной службе. В тот же вечер он пошел в кино и, к своему ужасу, увидел, что рядом с ним сидит врач, у которого он был утром. Несколько секунд Свенссон лихорадочно раздумывал, как ему выйти из щекотливого положения, потом повернулся к глазнику и спросил:
 — Простите, мадам, не скажете ли вы, этот автобус идет до Гетеборга?

Вошел я в магазин и говорю:
 — Я от товарища Иванова. Вышел с полной кошелкой. Пошел в ателье.
 — Я от товарища Иванова,— строго говорю им.
 Сшили, будьте уверены. Направился в автосервис.
 — Я от товарища Иванова. Через два дня машина была как новая.
 Заглянул в овощную палатку.
 — Я от товарища Иванова. Получил пучок зеленого лука и пакет мандаринов.
 Пришел домой.
 — Я от товарища Иванова,— сказал по привычке.
 Жена тут же упала мне в объятия и принялась нежно целовать.

Перевел В. Р.



— Простите, здесь первый класс?
«Швайцер иллюстрирте», Швейцария.

Маленький Роберт пришел к учителю музыки на очередной урок. Когда он открыл футляр своей скрипки, учитель в изумлении воскликнул:

— Робби, но ведь это же не скрипка! Это пистолет-пулемет!
 Мальчик почесал затылок и покачал головой.

— Черт побери,— сказал он,— а ведь и верно! Что же, интересно, папаша будет делать со скрипкой в банке!

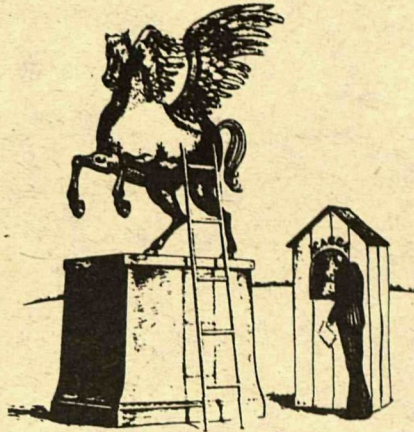
— Вы говорите, что вам уплатили пятьдесят долларов, чтобы вы голосовали за консерваторов, и к тому же вы получили столько же, чтобы голосовать за прогрессистов!

— Да, господин судья.
 — За кого же вы голосовали!
 — Конечно, я голосовал, как мне подсказывала моя совесть!

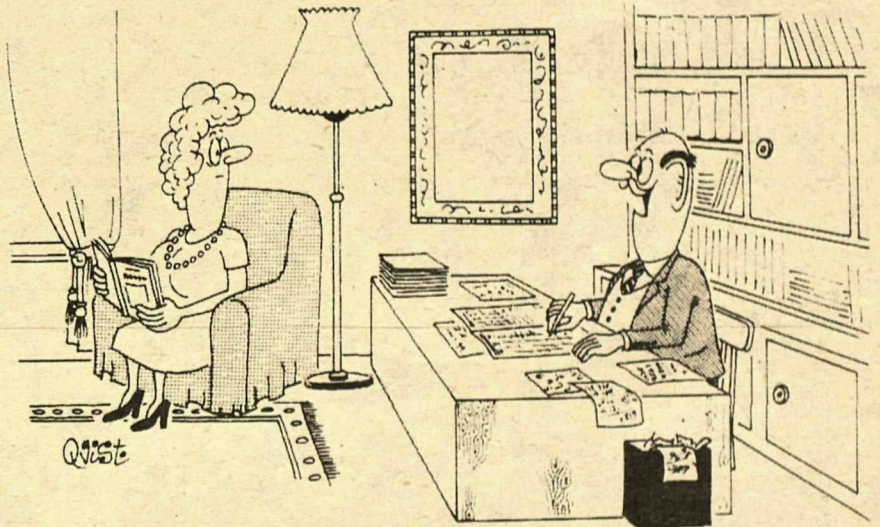


— Мапочка! Ты слышишь, как шипят котлеты? Как ты думаешь, долго их еще нужно жарить?

«Дейли миррор», Англия.



«Урзика», Румыния.



— Ты представляешь, Анна, как повысился наш жизненный уровень? В этом году наши налоги будут больше заработка.

«Биллед-бладет», Дания.



«Панч», Англия.

Слова, слова...

Мало иметь голос, надо еще, чтобы он был решающим.

Шутка итальянских вокалистов.

Фортуна чаще всего улыбается тому, кого не замечает Фемиды.

Фольклор американских гангстеров.

Если у человека семь пятниц на неделе, это еще не значит, что он трудится без выходных.

Из вавилонской инструкции по охране труда.

Иному взлететь мешают сами крылья.

Из записных книжек Икара.

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

НАШ АДРЕС:

101455,
 МОСКВА, ГСП,
 БУМАЖНЫЙ ПРОЕЗД,
 д. 14

ТЕЛЕФОНЫ:



ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА
 ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Темы рисунков этого номера придумали: А. Алешичев, М. Битный, В. Губа, Р. Друкман, Г. Караваева, С. Кузьмин, Н. Лисогорский, Н. Малов, Е. Милутка, В. Мохов, А. Помазов, В. Ступин, И. Сычев, Ю. Узбяков, Л. Филиппова.

Технический редактор В. Г. МОЧАЛОВ. Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 23.04.80. Подписано к печати 05.05.80. А 10034. Формат бумаги 70×108¹/₈. Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,80. Уч.-изд. л. 4,54. Тираж 5 810 000 экз. (1-й завод: 1—4 109 201). Изд. № 1275. Заказ № 2360.

© Издательство «Правда». «Крокодил», 1980 г.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

21651

57 ММ НОВ



В ПОЗИЦИИ СИЛЫ

Рисунок Е. ГУРОВА